87 4/35

87 4/35

ALEXANDER SUWOROW
RYMNIKSKI
Ruſs: Kayserl General
Feld-Marschal

СУВОРОВЪ

И

КОЗАКИ

ВЪ ИТАЛІИ;

съ присовокупленіемъ

краткаго описанія жизни, дѣяній, характеристики и анекдотовъ изъ жизни Суворова, также извѣстія о Козакахъ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

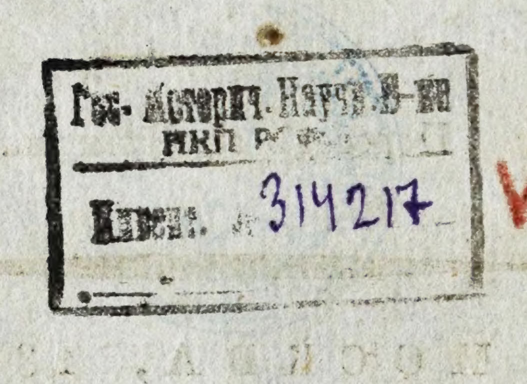
МОСКВА, 1802.

ВЪ Университетской Типографіи,

у Люби, Гарія и Попова.

Книгу, *Суворовъ и Козаки въ Италіи*, разсматривалъ, и не нашелъ въ ней противнаго къ напечатанію.

Университетской Ценсоръ
А. Прокоповичъ-Антонской.



I.

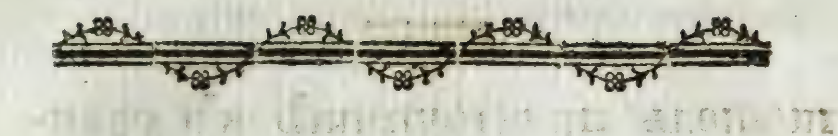
КРАТКОЕ

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ и ДѢЯНІЙ

СУВОРОВА,

съ присовокупленіемъ

характера и анекдотовъ изъ его жизни.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не знаю, можетъ ли кто нибудь изъ насъ не восхищаться, читая или слыша, какъ чужестранныя націи принимаютъ ласково нашихъ соотечественниковъ, какъ благодарятъ ихъ, проливая слезы! — Авторъ сего сочиненія искалъ, какъ можно живѣе представить это, и сколько силъ старался написать въ выразительнѣйшихъ чертахъ Суворова — какъ неподражаемаго Героя. Но прежде нежели Чи-

татель приступитЪ кЪ сочиненію, долженЪ знать, что АвторЪ выдалЪ его вЪ свѣтЪ еще при жизни нашего Героя, и что всѣ замѣчанія здѣсь самаго Гна. Автора.

П.

Суворовъ, Герой, котораго подвигамъ удивляется Свѣтъ; который стоитъ теперь на сценѣ міра и театра войны, какъ предметъ удивленія большей части жителей свѣта, родился въ 1730 году. Имя его *Александръ Васильевичь*; а прозваніе *Рымникскій* получилъ онъ послѣ одержанной надъ Великимъ Визиремъ побѣды при Рымникѣ въ 1789.

Фамилія Суворова происходитъ отъ Шведскихъ Дворянъ. Почти за 130 лѣтъ предки его поселились въ Россіи, были въ походахъ противъ Татаръ и Поляковъ, и получили въ подарокъ нѣсколько крестьянъ и помѣстьевъ.

Василій Суворовъ, отецъ Графа, былъ крестный сынъ Императора ПЕТРА I. Онъ былъ великій Политикъ, имѣлъ обширныя познанія, и умеръ Генералъ-Аншефомъ и Сенаторомъ.

Суворовъ, Герой, о которомъ мы теперь говоримъ, посвященъ былъ статскимъ дѣламъ, но склонность его повлекла подъ побѣдоносныя знамена его отечества. Уже на 12 году возраста своего былъ онъ записанъ въ Гвардію, между тѣмъ находился онъ въ родительскомъ домѣ и занимался науками, которыя онъ любилъ съ самой юности, и которыя и теперь любитъ. Онъ читалъ съ удовольствіемъ Корнелія Непота, Исторію Тюрреня и Монтекукули; любимые Герои его были особливо Кесарь и Карлъ XII. Исторія и Философія весьма привлекали его

къ себѣ, и онъ старательно учился имъ обѣимъ. Знаетъ много языковъ; по Нѣмецки и по Французски изъясняется онъ въ разговорахъ и на бумагѣ, какъ на природномъ языкѣ; знаетъ по Италіански, Молдавски, Польски и по Турецки.

Въ 1774 году женился онъ на Варварѣ Ивановнѣ, дочери Князя Прозоровскаго. Отъ сего брака имѣетъ онъ двухъ дѣтей. Дочь его Наталья выдана за Генерала Графа Зубова, а сынъ его имѣетъ чинъ Генералъ-Маіора и находится съ нимъ въ походѣ.

Не взирая на его старость, на его великіе и тягостные пути и марши (которые еще до похода его въ Италію простиралися до 6000 Нѣмецкихъ миль), имѣетъ онъ очень свѣжій видъ, и вовсе

не знаетъ тѣлесныхъ припадковъ и слабостей.

Такъ какъ онъ отличается отъ обыкновеннаго человѣка во многомъ другомъ, то равнымъ образомъ отличается въ образѣ жизни и въ томъ, какъ проводитъ и раздѣляетъ онъ свое время.

Обыкновенно встаетъ онъ весьма рано: лѣтомъ и зимою, въ полѣ и городѣ, никогда не встаетъ позже 4 часовъ. Постеля его приготовляется весьма скоро: охапка свѣжаго сѣна, холстина на немъ, и епанча вмѣсто одѣяла. Онъ спитъ обыкновенно весь раздѣвшись, не оставляя на себѣ даже рубашки.

Одѣвается въ нѣсколько минутъ; чрезвычайно опрятенъ; моется нѣсколько разъ на день, и

приказываетъ лить на себя воду. — Всегда носитъ униформъ или куртку; никогда не надѣваетъ ни статскаго платья, ни шлафорка, ни сертука, ни перчатокъ, ни епанчи, ни шубы — какая бы то ни была погода. Только въ дорогѣ дѣлаетъ исключеніе въ двухъ послѣднихъ.

Послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю обыкновенно бѣгаетъ онъ полчаса для моціону, и идетъ послѣ того за свою работу. Онъ пишетъ и переправляетъ многое собственною рукою. Образъ письма его кратокъ, силенъ, рѣзокъ и краснорѣчивъ.

Времени, въ которое онъ обѣдаетъ, не льзя точно опредѣлить; онъ обѣдаетъ въ 9, обѣдаетъ въ 12 часовъ. — За столомъ онъ очень веселъ и говорливъ. Въ издержкахъ умѣренъ и строго хра-

нитъ посты. Послѣ обѣда спитъ нѣсколько часовъ раздѣвшись, и никогда почти не ужинаетъ.

Препровожденіе времени, которое изобрѣла скука и роскошь, не извѣстно ему.

Главное упражненіе, и вмѣстѣ величайшее удовольствіе Суворова состоитъ въ войнѣ, и во всемъ касающемся до войны. Сколь ни строгъ онъ къ солдатамъ, часто упражняя ихъ въ маневрахъ и дѣлая съ ними невѣроятные марши (въ сутки отъ 8 до 10 Нѣмецкихъ миль) — чрезъ что нечаяннымъ прибытіемъ своимъ наводитъ онъ ужасъ (*); при всемъ томъ

(*) Одно изъ новѣйшихъ свидѣтельствъ тому есть скорый маршъ его изъ Турина въ Парму и пораженіе Макдональда войсками, пришедшими почти въ безсиліе отъ марша.

однакожь они любятЪ его и наполняются непобѣдимымЪ мужествомЪ подЪ его командою. ОнЪ весьма старается обЪ нихЪ вЪ полѣ и на квартирахЪ.

Время, которое остается у него отЪ упражненій, опредѣлено для чтенія. Ему читаютЪ журналы, вѣдомости и военныя книги.

КЪ обществамЪ и шумнымЪ забавамЪ не имѣетЪ ни малѣйшей охоты; но естьли и случится ему быть тамЪ, то бываетЪ веселЪ, принимаетЪ, вЪ угодность другимЪ, участіе вЪ веселіи и даже вЪ танцахЪ; но вЪ картахЪ весьма рѣдко, и только когда требуетЪ этого учтивость.

ОнЪ владѣетЪ прекрасными помѣстьями, доставшимися ему по наслѣдству и вЪ подарокЪ, которыя принялЪ онЪ единственно для

дѣтей. Онѣ управляются другими.

Суворовъ убѣгаетъ всего, что богачи считаютъ необходимымъ для наслажденія и удовольствія жизни. Онъ не держитъ у себя великолѣпнаго дому, посуды, экипажа, ливрей, картинъ, или собранія искусствъ и проч. Какъ воинъ, который привыкъ жить въ полѣ, и не привязывается ни къ какому постоянному жилищу, онъ довольствуется тѣмъ, что попадется ему, что необходимо нужно, и что безъ дальнихъ хлопотъ можно имѣть и оставить. Какъ достойное замѣчанія, не должно здѣсь пропущено быть то, что 20 лѣтъ не употреблялъ онъ зеркала. Онъ не возитъ съ собою ни денегъ, ни часовъ.

По характеру своему онъ признанъ всѣми за человѣка справедливаго, добродѣтельнаго. Онъ обходителенъ, любитъ помогать, учтивъ (*), безпристрастенъ, твердъ въ своихъ намѣреніяхъ и точенъ въ обѣщаніяхъ, даже противъ самаго непріятеля. Холерическій темпераментъ свой старается онъ какъ можно умѣрить и потушить. При всемъ томъ однакожь сіе горячее сложеніе столько дѣлаетъ на него впечатлѣнія, что едвали что нибудь кажется ему совершено довольно скоро (**).

(*) Одно изъ новѣйшихъ тому доказательствъ есть обхожденіе его съ плѣнными Генералами Серурье и Макдональдомъ. Послѣднему позволилъ онъ пользоваться Пизанскими банями, и увѣрялъ его въ совершенной безопасности.

(**) Это оправдываютъ и теперешніе его поступки въ Италіи. Но они суть

Онъ весьма набоженъ, и кромѣ внутренняго чувствованія, доказываетъ это также и наружно присутствіемъ своимъ при публичной литургіи (*) и чтеніемъ молитвъ по Воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ собственномъ домѣ въ присутствіи многихъ особъ.

Любовь къ отечеству и готовность сражаться за славу отечества — суть сильнѣйшія пружины его неутомимой дѣятельности, и которымъ онъ, по примѣру древнихъ Римлянъ, жертвуетъ всѣми

залогъ его скорыхъ успѣховъ и доказательство удачнѣйшихъ военныхъ выкладокъ сего Полководца.

(*) И это также теперь онъ доказываетъ. Это видно изъ его поступка въ Вѣнѣ, въ Миланѣ во время *Тебе Бога хвалимъ*, въ Туринѣ, Алессандріи и изъ другихъ встрѣчающихся случаевъ симъ подобныхъ.

прочими чувствованіями и совершенно посвящаетъ свои силы и лѣта.

Онъ всегда воевалъ противъ непріятеля съ счастливымъ успѣхомъ, который должно вообще приписать его личному предпріимчивому мужеству, его присутствію духа, неустрашимости, скорости произведенія въ дѣйство, старанію чрезъ сильный маршъ напасть на непріятеля прежде, нежели онъ думалъ, и наконецъ совершенной довѣренности его воиновъ къ своему Генералу.

Вотъ описаніе, которое о неподражаемомъ Героѣ Суворовѣ сообщаетъ намъ его Біографъ Антингъ (*). Къ сему присовоку-

(*) Въ военной Исторіи Графа Суворова Часть I стр. 1 — 11.

пимъ мы еще то, что Г. Зейме (*) говоритъ о семъ достопамятномъ человѣкѣ, прежде нежели приступимъ къ описанію военныхъ его подвиговъ. Интересно великаго человѣка видѣть даже въ малѣйшихъ оттѣнкахъ его поступковъ, которые въ самыхъ малостяхъ что нибудь значатъ и бываютъ основаніемъ великихъ намѣреній и важныхъ предпріятій.

Но пусть Авторъ сего интереснаго сочиненія говоритъ самъ.

Я не видѣлъ ни одного человѣка, который бы, не взирая на противорѣчущіе слухи, носящіеся въ его похвалу и ругательство — изъ которыхъ многіе безъ сомнѣнія суть басни — при первомъ

(*) Въ нов. Нѣмецкомъ Журналѣ 1799 году, VII піэса стр. 123 — 206.

воззрѣніи могъ меня привлечь къ себѣ такъ, какъ Суворовъ. Онъ низокъ, худощавъ, немного горбатъ, теперь семидесятилѣтній старикъ съ бѣлою посѣдѣлою головою. Но каждая нерва старика показываетъ еще ужасно сильную упругость. Каждой шагъ его есть огонь, каждое движеніе неустрашимость; равнымъ образомъ каждое слово есть достопамятное изреченіе и лаконизмъ. Все его искусство состоитъ въ томъ, чтобъ *воспламенить души своихъ воиновъ*, которые потомъ считаютъ за невозможное, чтобъ кто нибудь разбилъ ихъ подъ его предводительствомъ. Онъ кумиръ Россійскихъ солдатовъ, а въ скоромъ времени будетъ также и Австрійскихъ. Такой человѣкъ, каковъ онъ, сотворенъ для того, чтобъ привлечь къ себѣ сердца военныхъ

людей, и, хотя не всегда, сердца вышшихЪ ОфицеровЪ. Его обыкновеніе, вездѢ сЪ простымЪ человѢкомЪ говорить коротко и нервозно, а особливо передЪ фрунтомЪ, при маневрахЪ и предЪ баталіею. Естьли онЪ возжетЪ вЪ нихЪ свой огонь, то велитЪ поступать по плану, и все выходитЪ по плану. Его обвиняютЪ вЪ строгости, жестокости, безчеловѢчіи. Часто на войнѢ наружный видЪ сего заключенЪ вЪ энергіи. Когда лошадь пущена будетЪ на ристалищѢ, то не легко удержать ее; и когда гренадерЪ возметЪ штурмомЪ батарею и еще бродитЪ по колѢни вЪ крови, то высочайшій нравственный законЪ дѢйствуетЪ на него иначе, нежели на Философа вЪ его кабинетѢ. — СуворовЪ имѢетЪ вЪ глазахЪ конецЪ; средства вЪ войнѢ всегда кровавы. ОнЪ

не хочетъ, чтобъ война была жестока; но естьли она жестока, то жестокость сія происходитъ отъ человѣческой натуры, и можетъ быть отъ воспитанія полуварваровъ, грубыхъ, вышшихъ и нижшихъ офицеровъ, которые такого человѣка или не могутъ понять, или не хотятъ понимать. Первые суть люди не дальнихъ познаній, а послѣдніе злодѣи, и въ каждой арміи находится ихъ великое число. Солдатъ есть не что иное, какъ орудіе, которое тотъ или другой, или нѣсколько истинноблагородныхъ къ чему нибудь употребляютъ.

Суворовъ во всю жизнь свою былъ однимъ только воиномъ, и имѣлъ прекрасную школу сдѣлаться таковымъ; ибо онъ былъ всегда почти на войнѣ. Уже въ семилѣтнюю войну командовалъ онъ,

какъ увѣряли меня, родомъ небольшаго вольнаго корпуса; и тогда уже началъ работать картину, которую теперь отдѣлалъ. Важная роля его началась въ прошедшую Турецкую войну, гдѣ далъ онъ очень много рѣшительныхъ сраженій на свой образецъ. Самое сильнѣйшее было при Измаилѣ. Для цѣлой войны онъ составлялъ главнѣйшую важность; онъ сдѣлалъ то, что взято сіе мѣсто. Твердо положено было, чтобъ его взять, и всѣ до одного признали Суворова за человѣка, который долженъ былъ исполнить совѣтъ сей, естьли что нибудь могло изъ него произойти. Онъ пошелъ, и — взялъ. Пять дней упражнялъ онъ скрытно солдатовъ своихъ въ маневрахъ, и сдѣлалъ Турокъ въ твердой крѣпости примѣчательными и осторожными.

въ послѣднее утро напалъ онъ на нихъ съ штыками — и мѣсто стало его. Вы знаете, какіе упреки дѣлаютъ Рускимъ въ разсужденіи Очакова, Измаила и Праги; но, къ стыду нашей націи, долженъ я сказать, что Нѣмецкіе Офицеры въ Россійской арміи, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, поступали гораздо хуже. — — Главное сраженіе Суворова въ Польшѣ было при Прагѣ, гдѣ въ 2 часа разорилъ онъ Королевство и уничтожилъ политическое существованіе націи. Я изъяснился уже объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, будучи самъ очевиднымъ свидѣтелемъ сей трагедіи. Одна энергія его содѣйствовала къ тому, чтобъ окончить такимъ образомъ дѣло.

Суворовъ отклоняетъ отъ себя сколько можно всѣ Министерскія дѣла, падающія въ его сфе-

ру, и часто указываетъ съ лаконическою учтивостію на Генераловъ, которые пріобрѣли себѣ больше кредиту перомъ, нежели шпагою: *подите къ нему, я этого не знаю*, говоритъ онъ, и сарказмъ сей обыкновенно бываетъ чувствуемъ. Его ужасная краткость и скорость въ дѣйствіи, равнымъ образомъ выраженіе душевнаго огня, довольно всѣмъ извѣстны. Такимъ точно образомъ говоритъ и пишетъ онъ. Рапорты его самые выразительные и всегда исполнены силы и характера. Онъ долженъ быть весьма хорошій Стихотворецъ, и знать совершенно Рускій языкъ; я видѣлъ у одного Полковника въ стихахъ его приказъ по взятіи Праги, и столькожь нашелъ въ немъ жени стихотворства, какъ и достоинство правилъ военной

полиціи. — По взятіи Туртукая былъ его рапортъ:

Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ.

Его *ура! Прага! Суворовъ!* послѣ баталіи при Прагѣ я думаю всѣмъ извѣстно; и въ самую ту минуту написалъ онъ къ Прусскому Королю только слѣдующія слова: „Prague est a moi et Varsovie tremble„ (Прага моя и Варшава трепещетъ) Живописнѣе едвали можно было сказать Суворову. Послѣ, когда онъ имѣлъ въѣздъ въ Варшаву, обнималъ и цѣловалъ всѣхъ, кто ему ни попадался, и имѣлъ нѣсколько дружескую физіогномію, а особливо простыхъ старыхъ людей. — Одна изъ его обыкновенныхъ сердечныхъ ласковостей къ своимъ Офицерамъ есть: „*Поди, братецъ, поцѣлуй*

меня„ чего въ Рускомъ языкѣ нѣтъ ничего пріятнѣе. Съ Офицерами, которые нѣсколько ближе къ нему, обходится онъ ласково и дружески; однакожь не производитъ ихъ въ чины *такъ* скоро, какъ прочіе, дабы не обидѣть чрезъ то Офицеровъ въ фрунтѣ. И мы имѣемъ отъ него весьма только мало изключеній.

Въ настоящей военной службѣ Суворовъ точенъ и основателенъ; онъ наказываетъ ѣдкою сатирою нерадѣніе и другія ошибки, а особливо при рапортахъ. Естьли молодые люди, опредѣлившіеся въ его армію, особливо изъ столичнаго города, явятся къ нему и не будутъ по формѣ одѣты: то онъ тотчасъ съиграетъ съ ними шутку. Онъ начинаетъ при появленіи ихъ кричать, дѣлаетъ видъ, что боится ихъ, ползетъ въ уголъ

и часто за столъ, и проситъ, чтобъ какъ можно скорѣе удалили отъ него новое странное привидѣніе. Кто нибудь изъ его Офицеровъ уводитъ испугавшагося великолѣпно убраннаго молодаго человѣка; объясняетъ ему въ ближней горницѣ, что это значитъ; совѣтуетъ оставить ему щегольство, велитъ его перечесать, и надѣваетъ мундиръ по формѣ. Естьли онъ потомъ взойдетъ къ нему: то Суворовъ принимаетъ его съ учтивостію, распрашиваетъ о чемъ нибудь, а о прошедшемъ или вовсе не упоминаетъ, или съ полусуріознымъ комическимъ видомъ говоритъ, что онъ прежде этого до смерти испуганъ былъ какимъ-то призракомъ.

Ордеры его имѣютъ для достиженія своей цѣли ужасную

краткость (*). При Прагѣ больше не сказалъ онъ ничего, какъ: *сдѣлать штурмъ, взять батареи, и повергнуть все, что ни противустанетъ.* Всякъ легко пойметъ, что таковыя приказанія чрезвычайно должны дѣйствовать на простаго солдата и полки, гдѣ дисциплина можетъ быть не самая строжайшая — Онъ имѣетъ безчисленное множество настоящихъ своихъ особенностей въ характерѣ, но безспорно, что многія изъ нихъ прибавлены. У него рѣдко бываетъ экипажъ, а небольшія свои поѣздки дѣлаетъ онъ на Козацкихъ лошадяхъ. По почтѣ ѣдетъ онъ въ провожаніи нѣсколь-

(*) Нѣкоторые таковые ордеры его извѣстны въ нынѣшней войнѣ, на пр. касательно до Туринской цитадели и проч.

кихъ Козаковъ и притомъ чрезвычайно скоро. „*Дай, братецъ, дай!*„ кричитъ онъ Козаку за собою, естьли онъ очень тихо ѣдетъ, и Козакъ долженъ лучше погонять лошадь свою плетью. — Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ Суворовъ былъ почти всегда боленъ, и поправилъ себя діэтою и движеніемъ. Холодная баня есть главное его лѣкарство. — Онъ велитъ слугамъ своимъ ведрами лить на себя воду, только что почерпнувши ее изъ рѣки. Это случается иногда въ походѣ, когда идутъ полки. — Однажды Принцъ Кобургскій послѣ сраженія, на которомъ они вмѣстѣ разбили и прогнали Великаго Визиря, искалъ его, чтобы сдѣлать ему свое посѣщеніе, и нашелъ его, какъ увѣряли меня, въ таковомъ положеніи, въ недалекомъ разстояніи отъ лагеря, у огня, гдѣ онъ грѣлся,

„Я тотчасъ буду имѣть честь быть у Вашего Сіятельства — (говоритъ низенькой нагой человѣкъ къ Принцу) — я весь вымокъ, переходя черезъ рѣку“ и такимъ образомъ гренадеры и Козаки помогли ему одѣться. — Въ лагерѣ, или на квартирахъ, всегда и въ самую холодную погоду послѣ сей бани ложится онъ на свѣжую солому, накрывается епанчею, и лежитъ четыре или пять минутъ, прежде нежели начнетъ одѣваться.

Предъ послѣднимъ рѣшительнымъ штурмомъ при Измаилѣ была всего примѣтнѣе его странность, часто даже смѣшная. Я иногда ломалъ надъ этимъ голову; но анекдотъ сей разсказывали мнѣ нѣсколько Офицеровъ и притомъ такихъ, которые находились при немъ долгое время и — не лгуны. Онъ сказалъ на канунѣ: „Рано по-

утру, за часЪ до разсвѢта, я встану, одѢнусь, умоюсь, помолюсь, пропою пѢтухомЪ, и мы станемЪ штурмовать по плану." — ОнЪ всталЪ за часЪ до разсвѢта, одѢлся, умылся, помолился, пропѢлЪ пѢтухомЪ, стали штурмовать по плану, и — онЪ взялЪ крѢпость. *Пусть другой кто вѢритЪ этому!* скажетЪ кто нибудь; я и самЪ думалЪ также, но мои товарищи не были какіе нибудь обыкновенные краснобаи, и я самЪ также мало принадлежу кЪ этому классу.

СуворовЪ весьма набоженЪ, или по крайней мѢрѢ кажется таковымЪ. НаблюдаетЪ сЪ величайшею искренностію всѢ обряды, и смотритЪ, чтобЪ это было также и вЪ его арміи. — ВЪ ВаршавѢ одинЪ КапитанЪ сократилЪ молитву, которую долженЪ былЪ онЪ по формѢ чи-

тать передъ гоубвахтою во время вечерней зари, чтобы такимъ образомъ скорѣй оттуда уйти. По случаю Фельдмаршалъ услышалъ это, и примѣтилъ пропускъ. Онъ бросился передъ гоубвахту и началъ ужасно бранить Офицера: „Безсовѣстный, ужасный, безчувственный человѣкъ! говорилъ онъ, ты хочешь обмануть Небо; ты конечно хочешь обмануть меня и Императрицу! За чѣмъ ты здѣсь? я прогоню тебя.„

Когда въ Варшавѣ получилъ онъ свой Фельдмаршальскій патентъ, — потому что прежде былъ онъ только Генералъ-Аншефъ, — то поцѣловалъ его съ обыкновенною набожностію, и проскакалъ потомъ по горницѣ нѣсколько разъ по Козацки. „Не правда ли, что я могу еще пры-

гать?„ (сказалЪ онЪ сЪ колкимЪ видомЪ кЪ ОфицерамЪ, стоявшимЪ вЪ горницѣ) „я могу еще прыгать!„ — ВсѢ понимали старика безЪ истолкованій, ибо онЪ пожалованЪ былЪ вЪ чинЪ выше другихЪ Полководцевъ, между которыми былЪ также и К. РепнинЪ. — Прежде на маршѢ былЪ онЪ по большой части вЪ курткѢ, какЪ простой солдатЪ. Я видѢлЪ его, именно вЪ ВаршавѢ, почти всегда вЪ униформѢ, и иногда совершенно обвѢшеннаго Орденами (*). СуворовЪ довольно богатЪ, но живетЪ не слишкомЪ богато, по крайней мѢрѢ вЪ сравненіи сЪ прочими великими Россійскими Генералами; для

(*) И теперь еще иногда является такЪ, но вЪ первой разЪ появился онЪ вЪ Италіи, вЪ ТуринѢ при *Тебе Бога хвалимЪ.*

сего - то онъ и не бережетъ ничего: ибо онъ весьма великодушенъ и снисходителенъ.

Обвиненіе, что подъ его командою бываютъ безпорядки и жестокости, слышно часто въ самой Россіи; и есть нѣкоторые между знатными армейскими Офицерами, которые мало цѣнятъ его военное достоинство. Это для меня казалось всегда страннымъ. Первое обвиненіе, касательно до безпорядковъ, падаетъ больше на низшихъ Командировъ, нежели на Шефа; и Фельдмаршалъ не всегда можетъ отвѣчать, естьли сдѣлаютъ что нибудь гренадеры; Полковникъ и Капитанъ могутъ, да и должны отвѣчать за это.

Суворовъ долженъ читать много книгъ во всѣхъ частяхъ наукѣ, а особливо касательно до войны.

По крайней мѣрѣ то за подлинно извѣстно, что онъ говоритъ на многихъ языкахъ съ довольною скоростію и исправностію. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ съ Прусскими Офицерами; и мнѣ трудно было рѣшить, кто изъ нихъ зналъ языкъ лучше: Руской, или Нѣмцы. По Французски говоритъ Суворовъ такъ хорошо, какъ только можно ожидать отъ человѣка его званія, и еще лучше, нежели иной въ подобныхъ ему отношеніяхъ. По Турецки и Татарски долженъ онъ говорить какъ природной Турокъ и Татаринъ; ибо онъ большую часть жизни своей провелъ въ войнѣ съ обѣими націями. Къ небольшему стыду моему я на самомъ себѣ испыталъ проницательность его взора. Многіе Рускіе дѣлали мнѣ комплиментъ, будто я въ образѣ жизни, въ

мысляхъ, лицѣ и наружномъ одѣяніи столь много имѣю ихъ національнаго, что можно почесть меня за Рускаго. Учтивость сія была для меня лестна, и я старался ее заслужить. Но Суворовъ въ первый разъ, на фахтъ-парадѣ, не зная, кто я и откуда, тотчасъ началъ говорить со мною по Французски, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ съ чужестранными, и далъ знать чрезъ то, что и въ самой наружности весьма мало имѣлъ я Руской національности.

Я считаю его предъ всѣми нашими современниками за человѣка, который всѣхъ больше *имѣетъ собственнаго характера и величайшей энергіи; который имѣетъ всеобъемлющій взоръ вмѣстѣ съ истинною личною, правотворностію и вѣжливостію.*

Еще нѣчто долженъ я сказать вамъ о старомъ Суворовѣ, что для меня весьма удивительно, ибо оно противъ обыкновенія всѣхъ великихъ людей какъ въ кабинетѣ, такъ и въ полѣ: то есть, что почеркъ его въ Рускомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ чрезвычайно чистъ и прекрасенъ. Я думаю, что ни одинъ Каллиграфъ всѣхъ трехъ націй не можетъ писать буквъ такъ хорошо, какъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ это не слишкомъ хорошо, что господа любятъ подписывать имена свои такъ тіероглифически, что изъ имени ихъ можетъ выйти Ганнибалъ и Сципіонъ. Суворовъ подписывается чистыми и прекрасными буквами, такъ что всякой мальчикъ можетъ тотчасъ прочесть: *обѣихъ Имперій Графъ Александръ Суворовъ.*

1742 году былъ Герой Суворовъ записанъ мушкетеромъ въ Гвардейской Семеновской полкъ. Въ 1747 вступилъ въ службу капраломъ. Въ 1754 пожалованъ Порутчикомъ армейскимъ, и послѣ того мало по малу возвысился наконецъ до Коменданта въ Мемелѣ.

Въ 1759 году въ первой разъ пошелъ онъ въ походъ противъ Прусаковъ. Онъ сражался вмѣстѣ при Куннерсдорфѣ, и былъ также при взятіи Берлина. Потомъ перешелъ въ корпусъ легкихъ войскъ Генерала Берга, и храбро сражался на баталіяхъ при Рейхенбахѣ, не далеко отъ Бреславля и при монастырѣ Валлстедтѣ. — Когда Король Прусскій сталъ лагеремъ при Швейдницѣ и Генералъ Платенъ шелъ на помощь къ Колбергу; то Бергъ посланъ былъ съ корпусомъ и слѣдовалъ за Пруса-

ками, а Суворовъ сдѣлалъ нападеніе на Ландсбергъ въ то самое время, когда Платенъ отправился изъ Колберга въ Стеттинъ за провіантомъ. Бергъ далъ нѣсколько сраженій съ своимъ корпусомъ, а Суворовъ разбилъ Генерала Курбіера и взялъ его въ плѣнъ. Послѣ того напалъ онъ на Гольнау, и раненъ былъ при семъ случаѣ пулею, также застрѣлена была подъ нимъ лошадь.

Когда потомъ въ 1762 году было перемиріе и за тѣмъ послѣдовалъ миръ: то Графъ Панинъ послалъ Суворова въ Петербургъ, гдѣ Императрица и пожаловала его собственнымъ повелѣніемъ въ Полковники.

Въ 1768 году сдѣланъ онъ былъ Бригадиромъ, пошелъ съ полкомъ своимъ въ Польшу противъ

Конфедератовъ и получилъ подъ команду бригаду. Былъ посланъ впередъ къ Варшавѣ, прошелъ въ 12 дней 80 миль, разбилъ при Варшавѣ *Котелюповскаго*, разсѣялъ корпусъ обоихъ *Пулавскихъ* и пошелъ въ Люблинъ.

Въ 1770 году пожалованъ онъ Генералъ-Маіоромъ, и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ сдѣлался ужаснымъ для Поляковъ, а особливо разбилъ онъ при Страловичѣ Конфедератскую армію подъ предводительствомъ *Огинскаго*: 1000 человѣкъ было убито, 700 взято въ плѣнъ и вся непріятельская артиллерія досталась въ добычу. Императрица написала къ нему собственноручное письмо, и послала Орденъ Св. Александра Невскаго. Аннинскій Орденъ получилъ онъ уже прежде.

Конфедераты напали и на Краковъ и взяли его. Суворовъ соединился съ корпусомъ Генерала *Браницкаго* и пошелъ къ Кракову. Послѣ нѣскольких сраженій при вылазкѣ осажденныхъ и нѣкоторыхъ корпусовъ, которые старались защитить городъ, Краковъ долженъ былъ здаться.

Имперскія и Прусскія войска вошли въ Польшу; потомъ послѣдовало первое раздѣленіе сего Государства, и Суворовъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ онъ повелѣніе осмотрѣть Финляндскія границы.

Въ 1773 году пошелъ онъ въ походъ противъ Турокъ, и получилъ въ команду корпусъ. Въ мигъ переправился онъ черезъ Дунай, напалъ на Турокъ при Тур-

тукаѣ и разбилъ ихъ. Онъ получилъ ласковое собственноручное письмо отъ своей Монархини и Орденъ Св. Георгія втораго класса. Скоро потомъ далъ онъ при Туртукаѣ вторичное сраженіе. Турки были опять побиты, потеряли знатную флотилію, и Туртукай былъ взятъ. Суворовъ увѣдомилъ Фельдмаршала Румянцова о сей побѣдѣ собственнымъ лаконическимъ образомъ (какъ мы знаемъ) т. е:

Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ.

Потомъ получилъ онъ новый корпусъ подъ команду, и побилъ Турокъ при Гирзовѣ. — Лихорадка принудила его оставить армію. Онъ отправился въ Россію. — Послѣ выздоровленія въ 1774 пожалованъ

въ Генералъ-Лейтенанты и отправился опять въ армію. Здѣсь командовалъ онъ второю дивизіею резервнаго корпуса. Онъ соединился съ Генераломъ Каменскимъ и разбилъ Турокъ при *Козлуджи* (11 Іюня) весьма рѣшительно. Турки потеряли 3000 человѣкъ убитыми, 200 плѣнными, 40 пушекъ, 80 знаменъ и весь свой весьма богатой лагерь. — Послѣ сей баталіи опять напала на него сильная лихорадка; онъ отправился для поправленія здоровья въ Бухарестъ и миръ былъ заключенъ. Онъ поѣхалъ въ Россію. Но едва только прибылъ въ *Яссы*, какъ получилъ повелѣніе отправиться для укрощенія внутреннихъ безпокойствъ. Онъ разбилъ мятежниковъ при *Уральскѣ*, и взялъ въ плѣнъ бунтовщика *Пугачева*. Потомъ отправился въ свои помѣстья; но

гдѣ, по причинѣ многихъ полученныхъ приказаній, не могъ долго быть въ покоѣ.

Въ Крыму сдѣлалъ онъ въ 1776 году нѣсколько путешествій и учрежденій; прогналъ Турецкую флотилію изъ гавани *Ахтіаръ* и принудилъ Капитанъ Пашу (въ 1777) выступить въ море съ сильнымъ флотомъ. Вскорѣ сдѣланъ былъ трактатъ между Россіею и Портою, и Суворовъ получилъ отъ Государыни Ея портретъ.

Въ 1782 году сдѣлался бунтъ противъ новопоставленнаго Хана. Суворовъ отправился, побѣдилъ и принудилъ Нагайскихъ Татаръ къ покорности и присягѣ въ вѣрности. Тутъ получилъ онъ отъ Императрицы письмо и большой крестъ Ордена Св. Владиміра (въ

1783). Но скоро побѣжденные принялись опять за оружіе, и снова были побѣждены. На кровавомъ сраженіи (1 Октября) по ту сторону Кубани побито ихъ было до 4000 человѣкъ. — Въ Сентябрѣ (1786) Суворовъ произведенъ былъ въ Генералъ - Аншефы. Императрица путешествовала, какъ извѣстно, (1787) въ Крымъ. Суворовъ командовалъ корпусомъ не далеко отъ Кіева и Полтавы, и совѣтовался съ Императоромъ Іосифомъ II въ Херсонѣ. Онъ получилъ подъ команду Херсонскій корпусъ, къ которому принадлежитъ также и Кинбурнъ.

Война съ Портою опять началась. Турки отважились напасть на Кинбурнъ. Послѣдовало жестокое сраженіе (1 Окт. 1786), и Суворовъ остался побѣдителемъ. Турокъ, которыхъ пристало око-

ло 6000 человѣкъ, едва осталось 700 человѣкъ. Суворовъ раненъ былъ пулею въ лѣвое плечо.

Императрица похвалила на письмѣ его храбрость, и прислала ему Орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Побѣдитель получилъ также подъ свою команду флотъ, въ Черномъ морѣ находящійся.

Потемкинъ осаждалъ Очаковъ. Суворовъ долженъ былъ командовать лѣвымъ крыломъ арміи, получилъ при одной вылазкѣ опасную рану въ шею, и велѣлъ перенесть себя въ Кинбурнъ. Здѣсь взорванъ былъ пороховой магазинъ, и Генерала ранило. — Очаковъ палъ, взятъ будучи штурмомъ, (6 Декабря 1788). 14,700 Турокъ пало отъ оружія, и 4800 отведено въ плѣнъ.

Суворовъ выздоровѣвши отправился въ Петербургъ, и тамъ, въ знакъ, что Монархиня довольна его заслугами, получилъ бриліантовое перо на каску съ знакомъ К. (*Кинбурнъ*). Вскорѣ потомъ опять поѣхалъ въ армію.

Онъ получилъ команду надъ корпусомъ, который былъ при Берлатѣ и стоялъ лагеремъ недалеко отъ Принца Кобургскаго. Соединясь съ нимъ, онъ далъ Туркамъ сраженіе при *Фокшанахъ* (21 Іюля 1789), которое продолжалось десять часовъ, и на которомъ разбиты были Турки. Турецкая армія состояла изъ 40,000 человѣкъ, Императорскихъ войскъ было 18000 и Рускихъ 7000. Турокъ легло на мѣстѣ 2000 и 300 взято было въ плѣнъ. Они потеряли 16 знаменъ, 12

пушекъ, богатой лагерь и великой провіантный магазинъ.

Послѣ сраженія Принцъ Кобургскій и Суворовъ сошлись вмѣстѣ. Они обнимали другъ друга, желали другъ другу счастія, и пославши на землѣ плащи, обѣдали вмѣстѣ въ 3 часа послѣ полудни.

Императоръ Іосифъ II писалъ весьма ласково къ Суворову, и сей возвратился въ Берлатъ.

Но скоро Принцъ Кобургскій просилъ его приближиться къ себѣ; ибо армія подъ предводительствомъ Великаго Визиря шла противъ него. Суворовъ выступилъ поспѣшно, соединился скорымъ маршемъ съ Принцомъ и держалъ съ нимъ совѣтъ. — Скоро при Рымникѣ (или Мартинести) 22

Сентября 1789 году дошло дѣло до сраженія, которое продолжалось 12 часовъ, и которое проиграли Турки. Соединенная армія, едвали состоявшая изъ 25000 человѣкъ, сражалась съ арміею, въ которой было до 115000 человѣкъ. Великій Визирь писалъ къ Султану, что *уронъ* его *простирался* до 20000 человѣкъ Онъ потерялъ 100 знаменъ, 80 пушекъ, всю аммуницію и весь провіантъ.

Турецкая армія перешла черезъ Дунай и разсѣялась — Суворовъ и Принцъ Кобургскій разстались.

Суворовъ получилъ отъ Римскаго Императора и своей Монархини письма, подарки и достоинство Графа обѣихъ Имперій.

Рейхенбахскій договоръ воспрепятствовалъ Суворову и Принцу Кобургскому еще когда нибудь воевать вмѣстѣ. Они разлучились весьма трогательно и проливая слезы.

Въ концѣ 1790 году получилъ Суворовъ отъ Потемкина повелѣніе взять Измаилъ — во что бы то ни стало. — Суворовъ видѣлъ, что все должно было ему здѣсь дѣлать на удачу: потому что въ такое позднoе время года мало было надежды и виду съ успѣхомъ предпринять что нибудь рѣшительное противъ главной крѣпости, которую Турки считали непобѣдимою; но онъ повиновался приказанію, отправился изъ Галаца, и на другой день, прошедши 20 миль, былъ онъ ужь подъ Измаиломъ.

Сухопутная и морская армія состояла изъ 27000 человѣкъ, половину составляли Козаки; но много изъ нихъ было больныхъ, мало было фуражу и провіанту. Не теряя времени, приготовлены были лѣсницы и фашины, и ночью войска обучались маневрамъ штурма. — Чтобы обмануть Турокъ, то заложены были батареи какъ будто къ формальной долговременной осадѣ.

Сераскиръ Авдузлу Паша — старый, опытный Воинъ, который два раза уже отказывался отъ достоинства Великаго Визиря — командовалъ крѣпостью. Находившійся тамъ гарнизонъ, подъ повелѣніемъ 7 Султановъ, состоялъ изъ 43000 человѣкъ.

Суворовъ требовалъ крѣпость къ сдачѣ; но получилъ отъ Сера-

скира презрительный отвѣтъ. — При разговорѣ одного Рускаго Офицера съ Бим-Пашею, сказалъ последній: „Скорѣй Дунай остановится въ теченіи своемъ, или небо падетъ на землю, нежели Измаилъ сдастся.„

Суворовъ угрожалъ штурмомъ; но на угрозы его отвѣчали молчаніемъ.

Тутъ Графъ собралъ военный Совѣтъ, говорилъ сильную рѣчь; Измаилъ былъ штурмованъ — и взятъ 11 Декабря 1790 году. Ужасно сражались съ обѣихъ сторонъ. Рускіе побѣдили: 33000 человѣкъ пало подъ ихъ оружіемъ, 10000 взято въ плѣнъ, 6000 женщинъ и дѣтей, 2000 Молдавскихъ и Армянскихъ Христіанъ, и больше 500 Жидовъ попалось Ру-

скимъ въ плѣнъ. Между мертвыми было 6 Султановъ, самъ Сераскиръ, Арнаутскій Паша, два Намѣстника, военный Паша, Янычарскій Ага и болѣе 50 Бим-Пашей. Все найденное въ Измаилѣ богатство оцѣнили до 10 миліоновъ піастръ. Суворовъ при раздѣленіи не взялъ для себя ничего, даже ни лошади. Къ Потемкину написалъ онъ:

„Руское знамя вѣетъ на развалинахъ Измаила.“

Генваря 1791 году пріѣхалъ Суворовъ въ Петербургъ, гдѣ и получилъ отмѣнные знаки Монаршей благосклонности, пожалованъ былъ Подполковникомъ Гвардіи въ Преображенской полкъ, и въ память его побѣды выбиты были золотыя и серебряныя медали.

Потомъ Суворовъ спѣшилъ на границы Финландіи, и получилъ команду надъ арміею и флотомъ. Заключенъ былъ миръ, и Герой нашъ выходитъ опять на сцену уже во время Польской войны.

Онъ тотчасъ, по обыкновенію своему, выступилъ и разбилъ Поляковъ при *Крупчицѣ* (6 Сент. 1794). Ночью Рускіе пошли черезъ городъ и истребили почти весь корпусъ *Сираковскаго*. Сраженіе при Бресціи (8 Сент) продолжалось 6 часовъ, и было одно изъ знатнѣйшихъ. Около 13000 Поляковъ легло на мѣстѣ. Весь Россійской корпусъ едва состоялъ изъ 8 тысячь человѣкъ.

Косцюшка былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Суворовъ пошелъ къ Прагѣ, которая была хорошо

укрѣплена, снабжена сильною артиллеріею и имѣла 30000 человѣкъ гарнизону.

Суворовъ штурмовалъ и взялъ (24 Окт.) Прагу. — 13000 было побито, болѣе 2000 потонуло въ рѣкѣ Вислѣ, 14800 взято въ плѣнъ, и 104 пушки достались въ добычу.

Два дни спустя, Варшава сдалась на капитуляцію; 26 Октября Руские вошли въ городъ. Суворовъ взялъ городские ключи, поцѣловалъ ихъ, поднялъ къ небу и сказалъ: „Благодарю Тебя, Боже, что ключи сего города не куплены такъ дорого, какъ — „ Здѣсь разумѣлъ онъ Прагу. Онъ обнималъ со слезами всѣхъ членовъ Магистрата, и при радост-

ныхъ восклицаніяхъ народа вошелъ въ Варшаву.

Онъ получилъ отъ Монархини Фельдмаршальство и 7000 душъ крестьянъ. Римскій Императоръ прислалъ ему свой портретъ, осыпанный бриліантами. Сей портретъ, и полученный имъ Фельдмаршальскій жезлъ, — который Герой не прежде взялъ въ руки, пока торжественно не принялъ отъ Священника благословенія и не былъ имъ освященъ, — цѣнятъ до 100000 рейхсталеровъ. Отъ Прускаго Короля получилъ онъ Ордены обоихъ Орловъ.

Онъ прожилъ годъ въ Варшавѣ и потомъ возвратился въ свои помѣстья.

Здѣсь жилъ Герой въ философской тишинѣ, пока не полу-

чилъ Высочайшаго повелѣнія прогнать изъ Италіи всепобѣждающихъ воиновъ великой націи. Онъ пошелъ, и сдѣлалъ сіе. Французскія войска летѣли отъ молній Суворова, и границы Республики дрожали отъ грому его оружія. — Кому не извѣстно, что онъ учинилъ?

II.

К О З А К И.

Козаки (или Казаки) — прежде бывшій вольный народѣ, но теперь, смотря по разному ихѣ поколѣнію, больше или меньше, на большихѣ или меньшихѣ условіяхѣ покоренный Рускому Скипетру — по причинѣ ихѣ соединенныхѣ военныхѣ и экономическихѣ заведеній — составляютѣ особое состояніе и часть націи и Рускаго государства. Они получили свое заведеніе послѣ разоренія Татарской Имперіи, когда Правительство вручило имѣ защищеніе новыхѣ границѣ и для содержанія ихѣ отвело имѣ земли. Они теперь нерегулярное и сухопутное войско арміи, и раздѣлены на полки.

Внутреннее состоянiе различныхъ Козаковъ, предполагая Руское владычество, есть демократическое. У нихъ нѣтъ ни дворянъ, ни крѣпостныхъ; они всѣ могутъ безъ всякаго упрека другъ другу повиноваться и повелѣвать. Они сами избираютъ себѣ Начальниковъ (*), свергаютъ ихъ, и избираютъ другихъ; только верьховнаго Начальника поставляетъ Правительство, безъ котораго согласiя они не могутъ его свергнуть. Всѣ Начальники получаютъ всегдашнее жалованье изъ казны, но простые получаютъ тогда только, когда служатъ. Они должны всегда на свой коштъ одѣваться

(*) Все, сказанное здѣсь Гмъ. Авторомъ, должно разумѣть по большой части о прежнемъ постановленiи Козаковъ.

Перев.

(выключая Сибирскихъ Козаковъ), держать лошадей, имѣть оружіе, и такимъ образомъ быть совершенно готовыми къ маршу. Во время службы простой Козакъ получаетъ солдатской провіантъ, въ годъ 12 рублей и муницію, портупей-Прапорщикъ 15, Полковникъ 100, а Предводитель 200 руб. Они вписываютъ дѣтей своихъ въ службу на 18, а выписываютъ на 50 году.

Начальники ихъ, какъ сельскіе жители, въ деревняхъ называются *Старшинами*, въ мѣстечкахъ и округахъ *Атаманами*. Какъ военные, раздѣляются на *десятниковъ*, *пятидесятниковъ*, *хорунжихъ*, *писарей*, *есауловъ*; и всякой полкъ, который; смотря по кругу, отъ 1000 до 3000 человѣкъ въ себѣ содержитъ, имѣетъ

своего *войсковаго Атамана.* Офицеры до *Атамана* не имѣютъ никакого чина, и могутъ управляться армейскими унтеръ-офицерами. Но въ прежнюю Турецкую войну всѣ Офицеры нѣкоторыхъ полковъ, и между прочими которые отличились своею храбростію, получили рангъ Офицеровъ регулярнаго войска. Съ тѣхъ поръ имѣютъ они разныхъ Атамановъ, которые пожалованы въ Штабсъ-Офицеры. Повиновеніе Козака къ своему Начальнику, а особливо дома, есть весьма малое, и смотрятъ они больше на имѣніе и довѣренность Начальника, нежели на чинъ. Однакожь Начальники могутъ меньшія преступленія наказывать денежнымъ окладомъ для полковой казны, ругательствомъ и канчукомъ.

Козаки владѣютъ землями своими не только безъ поголовной подати, но еще и съ особливыми, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, вольностями, на примѣръ: имъ позволяется ловить рыбу, ѣздить за охотою, доставать безденежно соль изъ озеръ, курить вино *и проч.* Этимъ содержатся они, когда бываютъ въ походѣ, а прилѣжные изъ нихъ набогащаются во время долгаго мира.

Всякой служащій Козакъ долженъ имѣть у себя двѣ лошади, одѣваться по Польски или по восточному; однакожъ доброта и цвѣтъ одѣянія отдается на ихъ произволъ, почему и одѣваются они весьма пестро. Оружіе ихъ составляютъ пики или копья, дли-

ною въ пядь, съ ратовищемъ длиною въ полторы сажени; сабли, ружья, пистолеты, и иногда стрѣлы и лукъ. Пики имѣютъ всѣ они. Когда ѣдутъ, то держатъ ихъ поднявши въ верьхъ, прикрѣпляя ихъ ремешкомъ къ ногѣ, къ рукѣ или къ седлу. По большой части сіи пики украшаютъ они родомъ маленькаго знамени длиною въ пядь. Къ ихъ оружію можно еще причислить и канчукъ, въ локоть длиною, толщиною съ большой палецъ, сплетенный изъ кожи и прикрѣпленный къ палкѣ; потому что они бьютъ не только ими лошадей своихъ, но и обезоруженныхъ непріятелей. Седла ихъ ничто иное, какъ обдѣланное дерево, подъ которымъ лежитъ войлокъ и на которое положена кожаная подушка, Всякой полкъ имѣетъ нѣсколько

знаменъ, украшенныхъ Святыми, изображеніями ихъ оружій *и проч.*

Въ походахъ Козаки весьма легки. Они не везутъ съ собою ни артиллеріи, ни палатокъ, ни багажу, ни фуръ. — Козакъ чрезвычайно старается о своей лошади, — и за сіе стараніе его она дѣлаетъ ему величайшія услуги. Смѣло переплываютъ они на сей лошади быстрыя рѣки, и съ невѣроятною скоростію пролетаютъ великое пространство. Словомъ: Козакъ есть природный воинъ. Война есть его стихія, его желаніе, его мечта. Со времени послѣдней Турецкой войны они весьма прославились своею храбростію. Особливо при нападеніяхъ дѣлаютъ они чудеса. — Теперь они

по большой части одинаково одѣты; ихъ Офицеры получили чины, шпаги, Ордены и медали. Въ Италіи положили они твердое основаніе своей военной славѣ, и привели непобѣдимыхъ, вездѣ разбитыхъ Французовъ, въ ужасъ и трепетъ.

III.

СУВОРОВЪ

И

КОЗАКИ

ВЪ ИТАЛІИ.

Tunc venia dignus, tunc fit fine
crimine bellum.

M. Palingenius.

I.

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ЛАГЕРѢ ПРИ БРЕСЦІИ.

Егерь. Фу, дьявольщина! намъ право стыдно, что Австрійцы насъ вездѣ разбиваютъ, гдѣ только нападутъ. Прежде шло иначе. Но отъ чегожь это происходитъ?

Гренадеръ. Конечно не отъ насъ самихъ. Мы всё тѣ же, что и были прежде. Я солдатъ изъ *непобѣдимаго полку*, какъ называлъ его Великій Бонапарте. *Мы непобѣдимы!*

Егерь. Непобѣдимы? и разбиты?

Гренадеръ. Погоди, мы дадимъ себя знать!

Барабанщикъ. Я барабанщикъ въ *ужасномъ полку*, и нѣсколько разъ уже билъ къ побѣдѣ: теперь только все бью къ ретирадѣ. Ужасные стали не ужасны. Но отъ чего же это, что страшное больше не страшно, и то, что было непобѣдимымъ, теперь стало побѣдимо? Отъ того, что у насъ недостаетъ непобѣдимой головы. Объ этомъ я стану бить во всемъ свѣтѣ, когда только надобно.

Егерь. И безъ тебя знаютъ объ этомъ; газетёры разсказываютъ это съ трубами и литаврами.

Сержантъ. Наши неустрашимые въ Швабіи вездѣ разбиты и прогнаны Эрцъ-Герцогомъ Карломъ!

Гренадеръ. Фу, досада!

Сержантъ. Но постой, это все перемѣнится.

Егерь. Скоро придутъ сюда Русскія Орды.

Сержантъ. Этихъ дикихъ куколъ не чего бояться. Штыки наши вѣрно заставятъ ихъ возвратиться въ свои степи! — Прекрасно!

Егерь. Это еще не такъ страшно. Какъ бы ихъ штыки не проложили себѣ пути въ наши Провинціи.

Сержантъ. Прошу извинить! мы возьмемъ противъ этого мѣры. Не ужели вы думаете, что два какія нибудь проигранныя сраженія могутъ насъ лишить военнаго духу? Наши непобѣдимые легіоны ободрятся, и горе тогда

нашимъ врагамъ! Мужественнѣе только! и все пойдетъ, да и должно пойти на ладъ.

Гусаръ. Друзья! я возвращаюсь теперь въ отечество, и, какъ видите, безъ правой руки, которую я оставилъ въ Верронѣ. Дайте мнѣ грошъ на дорогу въ лѣвую руку; я сдѣлался калѣкою за Республику и нація должна меня содержать.

(*солдаты даютъ ему денегъ*)

Гусаръ. Я воспламеню юношей и храбрыхъ гражданъ (*), чтобы они шли къ вамъ.

Егерь. Чтобъ послѣ, также какъ мы, возвратиться домой безъ

(*) „Будемъ во время мира Quirites, и во время войны Milites.„ — *La France libre*. стр. 71.

руки? Доказательства твои будутЪ больше опровергать, нежели защищать намѣреніе твое. Останься лучше сЪ нами. Можно еще воевать и сЪ одною рукою. ВЪ примѣрЪ можетЪ служить АгличанинЪ НельсонЪ. —

ГренадерЪ. Не произноси этого имени; оно вѣчно будетЪ тревожить слухЪ мой. — (*вынимаетъ флягу съ виномъ*) Да здравствуетЪ Французская нація!

(*дикой крикъ между собою*:)

„Да здравствуетЪ!„

ГренадерЪ. Смерть и ужасЪ нашимЪ врагамЪ! погибель РускимЪ номадамЪ! (*кидаетъ флягу на земь*). ТакЪ должны лечь всѣ Козаки, протянувшись отЪ нашихЪ окровавленныхЪ штыковЪ.

Сержантъ. Пять, шесть недѣль — и ни одного Рускаго не будетъ въ Италіи! Ружья наши будутъ ихъ тысячами валить, и мы останемся тѣмъ, чѣмъ были всегда съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались Республиканцами — останемся непобѣдимы!

Драгунъ. (*вбѣгаетъ въ лагерь*) Форпосты наши разбиты!

Гренадеръ. Разбиты? — да! Австрійская кавалерія —

Драгунъ. Ахъ, досада! полкъ Козаковъ сработалъ все это.

Гренадеръ. Козаковъ?

Драгунъ. Это живые дьяволы! разбойники! — Ежели бы вы посмотрѣли на нихъ — чортъ меня возьми, что за фигуры, что за рожи! — это совершенные дьяволы!

Градомъ вбиваются они въ ширенги, и пиками своими кидаютъ людей, какъ мякину.

Сержантъ. О! о!

Драгунъ. Посмотрите и испытайте сами то, что я видѣлъ и испыталъ.

Чизальпинскій конной. (*вбѣгаетъ*) Мы со всѣхъ сторонъ окружены. Форпосты наши разбиты. Татары, Козаки, Калмыки, Кроаты летятъ къ намъ. Адъ выпустилъ легіоны свои!

Сержантъ. А! Чизальпинецъ! куда дѣвалась храбрость твоя?

Чизальпинецъ. Козаки похитили ее.

(*слышенъ вдали пушечной громъ*)

Сержантъ. Началась ужь драка!

(Адъютанты вбѣгаютъ въ лагерь)

Всеобщій крикъ. Къ ружью! къ ружью!

(трубятъ)

Сержантъ. Скорѣй! въ шиpенги!

Барабанщикъ. Теперь-то пойдетъ!

(бьютъ генеральной маршъ)

Гренадеръ. Попробуемъ!

Драгунъ. Ужь пробовали. Кровава была монета, которую мы получили.

Гренадеръ. Мы побьемъ ихъ вмѣстѣ съ непріятелемъ.

(трубятъ — бьютъ генеральной маршъ — дикой крикъ и сумятица)

Чизальпинецъ. Боже! пощади славную Чизальпинскую Республику! —

Піемонтецъ. Что дѣлать намъ?

Чизальпинецъ. Что думаешь ты, братъ?

Піемонтецъ. Естьли ты такъ же какъ я думаешь, то перейдемъ къ Австрійцамъ, и станемъ воевать противъ всеобщихъ враговъ нашихъ!

Чизальпинецъ. (*подаетъ ему руку*) Но только осторожнѣе! Chi va pia no va ſano!

II.

ВЪ БРЕСЦІИ.

На улицѣ.

(Толпа Козаковъ сидитъ подлѣ лошадей на землѣ. Они играютъ, ѣдятъ, пьютъ и поютъ.)

Хоръ.

Подавайте-ка вина!
Мы попробуемъ его!
Грустно, тошно безъ него.
Братья! рюмки наливайте,
И до капли выпивайте!

Козакъ.

Моего у васъ вина
Здѣся, братцы, лучше нѣтъ;
Но когдабъ еще имѣть
Дѣвку ту, что на примѣтѣ: —
Большебъ не желалъ на свѣтѣ!

Всѣ. Виватъ Царь! — Виватъ Герой Суворовъ!

Дикой крикъ. Виватъ! виватъ!

Молчановъ, Козачій Маіоръ (*приходитъ*). Такъ, друзья! веселитесь!

Козакъ. За ваше здоровье, Г. Маіоръ!

Молчановъ. Веселитесь, сколько угодно; только не сверхъ мѣры.

(*уходитъ*)

Козакъ. Ахъ, братцъ! Италія есть земля, полна хорошихъ дѣвокъ и женъ; имѣетъ много вина, водки, хлѣба, мяса, и есть прекрасный садъ. — Мозановъ! какъ ты думаешь?

Мозановъ. Италія есть земля чудесъ; посмотри-ка на эти домы, на эти церкви: — ахъ! что наши хижины! —

Козакъ. Естьли бы можно было намъ взять съ собою эти великолѣпные домы!

Мозановъ. Только этакую бы церковь, чтобы послѣ повѣрили намъ, естьли станемъ дома разсказывать объ этакихъ чудесахъ.

Стрицъ. Они будутъ считать насъ за краснобаевъ и лгуновъ, естьли станемъ имъ разсказывать, что видѣли глаза наши.

Хорунжій (*). А особливо когда начнемъ разсказывать имъ о городѣ, который лежитъ въ сре-

---

(*) Корнетъ у Козаковъ.

динѣ моря и имѣетъ церкви, улицы и много башенъ. Клянусь Св. Георгiемъ, что матери наши, которыя воспитали насъ, и отцы, которые родили насъ, подумаютъ, что мы въ чужихъ краяхъ сдѣлались лгунами.

Стрицъ. Конечно; но чтожъ дѣлать! пусть пойдутъ въ этотъ морской городъ, и посмотрятъ его сами.

Берлизовъ. Я не знаю, что со мною бываетъ, когда начну представлять себѣ въ мысляхъ все, что ни вижу собственными глазами.

Мороновъ. Чрезъ цѣлой нашъ маршъ я чувствую въ себѣ какую-то странность! Не знаю, какъ бы мнѣ замѣтить и удержать въ памяти все, что я видѣлъ.

Хорунжій. Но еще гораздо удивительнѣе и прекраснѣе найдемъ, чѣмъ будемъ идти далѣе.

Мороновъ. Я право не могу осудить Французовъ, что они забрались въ такую прекрасную землю.

Хорунжій. За то имъ надобно было лучше защищать здѣсь жилища свои; — но они бѣгутъ, какъ испуганныя лисицы.

Мороновъ. Лисицы хитры. Что уйдетъ, того не убьешь. — Но дайка имъ немного познакомиться съ нами, авось они и остановятся.

Мозановъ. Пусть остановятся эти цареубійцы! Они попробуютъ насъ и клинковъ нашихъ. Народъ ни къ чему не

годится. У нихъ нѣтъ Государя, у нихъ нѣтъ Религіи. —

Попъ. Тьфу, дьявольщина!

Мозановъ. Они безбожники —

Попъ. Во имя Господне, рубите ихъ всѣхъ! Человѣкъ, которой не признаетъ Бога, есть животное, а животныя созданы на свѣтъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ убивать. Изъ этого слѣдуетъ, что Французовъ должно рубить безъ пощады. Далѣе: дикія и опустошающія животныя вредны и опасны, и должны быть вовсе истреблены, должны быть побиты и искоренены; слѣдовательно и Французы должны быть изрублены! Господь послалъ охотниковъ для истребленія въ прекрасномъ саду Своемъ хищныхъ волковъ и

другихъ животныхъ; охотники сіи — вы; садъ есть — Италія, а хищные волки — Французы. На этотъ конецъ преданы они въ руки ваши, (*благословляя ихъ*) и вы есте избранные, посланные мстители права, справедливости и вѣры.

(*Козаки читаютъ про себя молитву*)

Козачій Полковникъ (*приходитъ*). Веселитесь, любезные Козаки, веселитесь! скоро опять пойдемъ.

Козаки. Мы готовы!

Мозановъ. Вонъ нашъ Атаманъ Денисовъ! посмотрите, какъ величественно онъ выступаетъ!

Стрицъ. Въ его походкѣ, въ его поступкахъ есть нѣчто Суворовское.

Мозановъ. Да.

Гренадеръ (*изъ Дедринскаго баталіону*). Вчера еще до сраженія стоялъ я на часахъ у палатки нашего Фельдмаршала: друзья! онъ человѣкъ добродѣтельной. Я видѣлъ, какъ онъ молился. Онъ предоставилъ все Богу, и дѣло вышло хорошо. — Я думаю, мы славно отдѣлали Французовъ! Предъ нами лежали хвастуны эти, и нашему Суворову нѣтъ нужды въ зеркалѣ (*); онъ можетъ смотрѣться въ кровавые ручьи его враговъ.

Хорунжій. Онъ не гордъ.

(*) „Суворовъ чрезъ 20 лѣтъ не употреблялъ зеркала. Онъ не возитъ съ собою ни денегъ ни часовъ.„ *Антингъ въ военной Исторіи Суворова, Часть I. стран.* 10.

Мороновъ. Онъ дѣятеленъ, и знаетъ время и минуты безъ часовъ.

Егерь (*приходитъ*). Началась драка.

Мороновъ. Съ Французами?

Егерь. Ломоносовцы вцѣпились имъ въ волосы; Грековскіе Козаки тамъ же.

Стрицъ. Тамъ?

Мозановъ. Скоро дойдетъ чередъ и до насъ.

Егерь. Да, я думаю.

Берлизовъ. О естьли бы попался мнѣ подъ клинокъ какой нибудь Французской Предводитель!

Егерь. Естьли Французъ попроситъ у тебя пощады, сдѣлаешь ли ты ему ее когда нибудь?

Берлизовъ. Этого грѣха я не знаю; мнѣ только бы попался, а то ужь больше не встанетъ.

Стрицъ. Австрійцы слишкомъ много милуютъ. Они отвозятъ плѣнниковъ въ свою землю и кормятъ ихъ. Къ чему это? земля ихъ довольно населена.

Егерь. Да; естьли бы намъ можно было послать ихъ въ Камчатку, пусть бы они тамъ работали.

Берлизовъ. О! поди; этотъ народъ вездѣ будетъ безпокоенъ. Изруби его — и больше не станетъ тревожить. — По моему, вовсе бы не надобно имѣть плѣнниковъ. — Ну что ты такъ задумался, Мороновъ?

Мороновъ. Мнѣ только что пришла въ голову мысль. —

Стрицъ. Ну?

Мороновъ. Я думалъ о томъ, увижу ли когда нибудь отечество свое!

Берлизовъ. Кто можетъ знать это? — Естьли ты падешь среди военнаго смятенія отъ руки непріятеля, то останется по тебѣ молва, какъ о храбромъ солдатѣ, и смерть твоя будетъ отмщена товарищами. Чегожъ тебѣ еще больше?

Мороновъ. Какъ будто бы я боюсь смерти; нѣтъ! но мнѣ хотѣлось бы возвратиться въ свою юрту. Эти домы прекрасны и великолѣпны, эти мѣста чисты и прелестны; но отечество остается при всемъ томъ отечествомъ.

Стрицъ. Я теперь не думаю ни мало о домѣ. Развѣ намъ

здѣсь не хорошо? развѣ у насъ здѣсь нѣтъ дѣла? Дома сидишь и рвешься съ досады, когда надобно идти орать, боронить, сѣять и жать. Здѣсь мы не сѣемъ, и при всемъ томъ живемъ. Дѣятельность наша прогоняетъ скуку, и стаканъ вина идетъ за круговенькою. — Какъ не можно быть этимъ довольну?

Старой Козакъ. Мороновъ! я знаю отъ чего у тебя отечество не выходитъ изъ головы. Ты забылъ взять съ собою земли (*). Но я пособлю тебѣ (*от-*

(*) Тѣ, которые изъ отечества, или изъ родины своей ѣдутъ куда нибудь въ другое мѣсто, берутъ съ собою нѣсколько отечественной земли или песку, кидаютъ ее въ другихъ мѣстахъ въ напитокъ, и думаютъ избавиться такимъ образомъ отъ грусти.

крываетъ кожаный мѣшечекъ; вынимаетъ земли и сыплетъ ее въ стаканъ воды) Здѣсь еще довольно. Пей!

Мороновъ. (*пьетъ*) Спасибо!

Козакъ. Ну, теперь все пойдетъ хорошо. Возьми свое колесцо (*) въ руку, и не безпокойся.

(*) Колесцо съ молитвами, которое также иногда называется *Кирьлду*. Это есть не что иное, какъ круглая коробочка, сдѣланная вокругъ подвижнаго прутика. Въ ней лежитъ нѣсколько необходимѣйшихъ молитвъ, и на самомъ краю ея виситъ на ниточкѣ гирька, которая ускоряетъ движенïе. Эту молитвенную машину носятъ безпрестанно въ рукахъ набожные люди; и когда они начнутъ повертывать прутикомъ, то и коробочка или колесцо, которое сдѣ-

Хорунжій. ВотЪ что; дома онЪ хочетЪ жениться на какой нибудь дѣвкѣ; — она-то причиною тому, что ему такЪ хочется домой.

ВсѢ (*смѣются*). Да да; это правда. Она-то всему причиною, она!

АтаманЪ (*входитЪ*). Дѣти! допивайте и будьте готовы. Скоро опять вамЪ надобно будетЪ

лано на самомЪ краю прутика, станетЪ также безпрестанно вертѣться. РавнымЪ образомЪ и молитвы вЪ коробочкѣ также будутЪ вертѣться; и это, говорятЪ они, особливо полезно для людей неграмотныхЪ, старыхЪ и немощныхЪ, которые не могутЪ сами выговорить молитвЪ. Бездушное движеніе молитвЪ они такЪ же уважаютЪ, какЪ бы они были выговорены самими людьми.

садиться на лошадей. Товарищи ваши уже въ огнѣ.

Стрицъ. И мы туда же! — пейте! — ура! Царь! — Суворовъ! — смерть и гибель Французамъ!

Всѣ. (*пьютъ*) Смерть и гибель!

Адъютантъ. (*бѣжитъ мимо*) Садись! — впередъ!

Козаки. (*между собою*) Садись!

(*драгунскія трубы*)

Всеобщій крикъ. А! — ура! — садись! впередъ! впередъ!! туда! здѣсь!

III.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ БРЕСЦІИ.

На открытомъ мѣстѣ.

Козачій дозоръ.

Козакъ. Братцы! — тамъ у кустарника — смотрите, что это?

Другой. Женщина застрѣлила мужчину.

Третій. Это Французъ!

Деревенская дѣвушка изъ Бресціи (*выходитъ на встрѣчу Козакамъ*). Поглядите на этого Француза! здѣсь лежитъ онъ въ своей крови. Этотъ мерзавецъ раздробилъ голову моему любезному,

выгналъ бѣднаго, больнаго отца моего, дряхлаго, безсильнаго старика изъ его хижины, и велѣлъ зажечь ее за то только, что я не согласилась на его мерзкія требованія. Въ этомъ кустарникѣ лежала я спрятавшись, здѣсь ожидала его и здѣсь (*протягиваетъ пистолетъ*) застрѣлила его.

Козакъ. Ахъ естьлибъ можно было понимать ее, что она разсказывала намъ!

Другой. Какъ? что? — это конечно были какія нибудь мерзости. Вѣрно она даромъ не застрѣлила Француза.

Третій. Какъ она мужественна!

Первой. Она мнѣ понравилась. — Ты право дѣвушка прекрасная!

Къ 97 Стр.

Это сдѣлала она хорошо!

Дѣвушка. (*опять показываетъ пистолетомъ на мертваго Француза*) Вотъ лежитъ онъ!

Третій. Да, да; она застрѣлила его.

Первый. Она сдѣлала хорошо.

Второй. (*соскакиваетъ съ лошади и подаетъ ей флягу съ виномъ*) Пей, пей, добрая дѣвушка!

Дѣвушка. (*беретъ и пьетъ*) Виватъ!

Всѣ. Это право сдѣлала она хорошо!

IV.

ВЪ ЗАГОРОДНОМЪ ДОМѢ.

Хорошо убранная комната.

Дама. (*лежитъ на софѣ, играетъ на гитарѣ и поетъ:*)

Романсъ.

Утромъ рано въ день Ивановъ
Вставши къ морю я пошла,
И на берегѣ нашла,
Что ходила тамъ дѣвица.

Два Козака. (*входятъ съ пистолетами въ комнату, слышатъ, что поютъ, слушаютъ и останавливаются*).

Дама (*поетъ*).

Разложивши вдоль бѣлье,
Вкругъ него она ходила,
Поправляла и сушила,
И за тѣмъ туда пришла!

Къ 98 Стр.

Она поетъ прекрасно!

Козаки. (*посматриваютъ другъ на друга, и подаютъ знакъ къ молчанію*)

Дама (*поетъ*).

Подлѣ розова куста,
Гдѣ не разъ она сидѣла,
Легши такъ она запѣла,
Распустивши косу съ плечь:

Козаки. (*часъ отчасу становятся веселѣе, кладутъ пистолеты за поясъ и наконецъ скидаютъ шапки*)

Дама (*поетъ*).

„Ахъ скажи мнѣ, мореходецъ!
Не видалъли ты того,
Кто дороже мнѣ всего
Гдѣ нибудь на синемъ морѣ?

*

Естьли видѣлся ты съ милымъ;
То скажи — скажи о томъ. —
Здѣсь на берегѣ морскомъ
Ждетъ его всякъ часъ любезна.„

Козаки. (*смотрятъ другъ на друга съ улыбкою и говорятъ оба вдругъ:*) Она поетъ прекрасно!

Дама. (*слышитъ, что позади ея говорятъ, оглядывается, видитъ Козаковъ, пугается, роняетъ гитару и хочетъ убѣжать.*) Боже мой! это Козаки!

Козаки. (*бѣгутъ за нею*) Не кричи, сударыня!

Дама. Я пропала!

Козаки. Чего тебѣ бояться? — не безпокойся! — ты пѣла очень хорошо.

Дама. Ахъ! пощадите жизнь мою.

(*падаетъ передъ ними*)

Козаки. (*падаютъ также передъ нею; берутъ ее за руку и цѣлуютъ*) Ахъ, сударыня!

Дама. (*вскакиваетъ, вынимаетъ кошелекъ и съ трепетомъ подаетъ его*) Возьмите!

Козаки. Ахъ! ты пѣла хорошо. Ты доставила намъ удовольствіе. Мы не возмемъ ничего. — Мы еще у тебя въ долгахъ. —

(*удаляяся изъ комнаты, кланяются по Козацки*)

V.

ВЪ КОЗАЧЬЕМЪ ЛАГЕРѢ.

Сентиновъ. Говорите, что угодно! Пусть Италія будетъ еще въ десять разъ лучше, нежели какова она въ самомъ дѣлѣ: то все досадно не знать языка, которымъ здѣсь говорятъ.

Цирловъ. О, пустое!

Сентиновъ. Нѣтъ, не пустое. — Положимъ, тебѣ хочется пить, а ты не знаешь, какъ попросить этого; что тогда?

Цирловъ. Я объяснюсь фигурами; а естьли меня и тогда не поймутъ: то я возьму самъ, что мнѣ надобно.

Сентиновъ. Ты хочешь сказать дѣвушкѣ, что она тебѣ нравится —

Цирловъ. Что тутъ много говорить? Я не скажу ей ни слова, но она меня пойметъ. Любовь имѣетъ одинъ всеобщій языкъ: какимъ образомъ говоритъ она въ Сибири, такимъ говоритъ и въ Италіи.

Сентиновъ. Не вѣрю. — Обряды и обыкновенія здѣсь совсѣмъ другія, нежели у насъ.

Цирловъ. Однакожь и здѣсь цѣлуютъ такъ же, какъ и у насъ цѣлуютъ.

Сентиновъ. Почему знать?

Цирловъ. Я самъ видѣлъ. А поцѣлуй есть истолкователь всѣхъ языковъ.

Черановъ. (*приходитъ*) Ахъ, братцы! что со мною случилось? — Я вижу прекрасную дѣвушку, падаю ей на шею, обнимаю, цѣлую, а она противъ чаянія моего даетъ ножемъ мнѣ рану въ лѣвую руку, бѣжитъ въ лагерь и исчезаетъ прежде, нежели рѣшился я гнаться за ней.

Сентиновъ. Ну, Цирловъ?

Черановъ. Это несносная рана для Козака! — Дѣвушки здѣсь гораздо дичѣе, нежели я представлялъ себѣ.

Сентиновъ. Но можетъ только къ намъ. — Станемъ учиться ихъ языку, и онѣ къ намъ будутъ также благосклонны, какъ и къ Австрійцамъ.

(*три пьяные Козака приходятъ шатаясь*)

Одинъ. Ура! добыча! добыча! (*кидаетъ на земь табакерки, перстни и часы*) Мы достали ихъ. — Давайте, станемъ на нихъ играть.

(*Они садятся и играютъ. — Скоро происходитъ несогласіе; они дерутся — часъ отъ часу сильнѣе и вынимаютъ сабли.*)

Офицеръ. (*разнимаетъ ихъ*) Что за шумъ подняли вы?

Козакъ. Доброй Офицеръ! онъ тотчасъ помирилъ насъ. Подите, станемъ дѣлиться.

(*они раздѣляютъ*)

Жидъ. (*приходитъ*) Нѣтъ ли продать чего?

Козаки. Поди сюда, поди: у насъ довольно таваровъ. — Нѣтъ ли у тебя вина?

Жидъ. Есть и вино и деньги.

Козакъ. Ну, такъ ладно!

VI.

ВЪ УЩЕЛИНАХЪ БРЕСЦІАНСКИХЪ ДОЛИНЪ.

Цебедео. Ну, вотъ и я здѣсь; что хорошаго?

Николо. Какой вопросъ! станемъ-ка считать, и исповѣдываться другъ другу; послѣ попу останется только прочесть намъ отпускную.

Сангроне. Отъ рабства и неволи!

Цебедео Вотъ вамъ кошелекъ съ 12 цехинами, серебреныя часы, футляръ, склянка и народный календарь — всё богатство какого-то Бригадира великой націи, котораго я вчерась

ввечеру со скалы (*показывая тѣлодвиженіемъ, что онъ столкнулъ*) послалъ на тотъ свѣтъ.

Николо. А я сдѣлалъ лучше твоего: пустилъ прямо пулею въ голову Комисару. Вотъ вамъ кошелекъ съ 386 цехинами, двое золотыхъ часовъ, осыпанныхъ бриліантами —

Сангроне. Онѣ принадлежали по крайней мѣрѣ Епископамъ и Кардиналамъ.

Николо. Что нужды до того! намъ все равно; довольно этого, что онѣ теперь намъ принадлежатъ. Иногда понадобится узнать, которой часъ: для сего-то и отняли мы ихъ у господъ, которые также отнимали у насъ всё, что имъ надобно было. Ихъ

Преосвященства постараются сыскать себѣ другіе часы. Только Комисару больше ихъ не носить. — Вотъ еще пара украденныхъ колецъ, которыя принадлежали по крайней мѣрѣ Королю Неапольскому, Королю Сардинскому, или можетъ быть и Его Святѣйшеству.

Сангроне. Дьявольщина! кольцы право хоть куды.

Николо. Пріятель нашъ Ювелиръ, что живетъ на большой улицѣ, оцѣнилъ ихъ отъ 3 до 4 тысячь цехиновъ.

Сангроне. Боже! — Николо, ты право вышелъ въ доброй часъ.

Николо. Постой, это еще не всё. — Вотъ коробочка съ драгоцѣнными каменьями, которые рѣзаны и украдены въ Неаполѣ;

золотой, осыпанной бриліантами футляръ, ножичекъ съ золотою ручкою и записная книжка, за внутренность которой заплатитъ всякой непріятельской Генералъ 1000 дукатовъ.

Сангроне. Мы отдадимъ ее Агличанамъ. Они заплатятъ намъ хорошо, и послѣ это напечатаютъ.

Николо. Врядли! — Австрійцы разинутъ ротъ, когда прочтутъ это.

Цебедео. Нѣтъ, Австрійцы не любятъ много читать.

Сангроне. За то любятъ много ѣсть.

Николо. Я уже выдумалъ, какъ это все раздѣлить. Никому не будетъ обидно.

Сангроне. И я постараюсь что нибудь достать; а теперь у меня нѣтъ ничего.

Николо. Не всякой день масленица! ловите только Комисаровъ, Директоровъ и другое что такого разбору — прочее все дрянь, да и порохъ теперь вздорожалъ. — Досадно, что намъ надобно зарывать ихъ здѣсь, въ этой благословенной землѣ! они не имѣютъ никакой религіи.

Цебедео. Да имѣемъ ли мы какую нибудь?

Николо. Какъ же? развѣ у меня нѣтъ Ангела? развѣ я не хожу въ церковь?

Цебедео. На кражу.

Николо. Что объ этомъ много говорить? нигдѣ не можно

быть въ праздности. — Когда я застрѣлилъ Комисара, то я далъ ему на дорогу два, три креста, хотя можетъ быть и не имѣлъ онъ въ нихъ нужды.

Севастіано. (*приходитъ*) Ну, господа! Рускіе приближаются.

Цебедео. Идутъ? — Я право почти радъ этому, чтобъ только Французы еще дни два ретировались.

Севастіано. Рускіе насъ окружатъ отвсюду.

Николо. Что нужды? — у насъ будетъ чѣмъ жить, и мы нѣсколько времени можемъ просидѣть дома.

Цебедео. Теперь, дьявольщина! все такъ вздорожало!

Сангроне. Это правда! нѣтъ ничего дешевле Французской головы.

Николо. Она получитъ опять свою цѣну — надобно только потерпѣть и дождаться времени.

Толомео. (*входитъ*) Сію минуту сказалъ мнѣ одинъ Жидъ, что въ Требіо показались уже Козаки.

Цебедео. Экая досада!

Толомео. Естьли это правда, то завтра они будутъ здѣсь. — Это должны быть совершенные дьяволы!

Николо. Мы презираемъ ихъ.

Толомео. Конечно отъ насъ зависитъ думать, какъ угодно.

Севастіано. Жиды теперь трусятъ.

Николо Право? за то какъ дулись они, когда Французы сдѣлали ихъ гражданами!

Сангроне. За эту честь они заплатили дорого!

Николо. Какъ тихо шли они съ новыми своими друзьями, когда надобно было грабить церкви или монастыри! какъ важно выступали, когда шли съ Генераломъ, которому показывали, гдѣ можно было поудить рыбу! — Теперь полно выступать: скоро принуждены будутъ возвратиться по городамъ въ смрадные свои домы.

Цебедео. Естьли ихъ не побьютъ.

Николо. Что въ томъ пользы, хотя и сдѣлаютъ это?

Цебедео. Агличане могутъ посадить ихъ на корабли и отправить къ Бонапарте, которой давно уже сидитъ, какъ ракъ на мели, и имѣетъ нужду въ людяхъ.

Николо. Только не въ такихъ.

Лоренцо. (*входитъ*) Эй, братцы! на улицѣ въ Терринѣ есть добыча. Всякая дрянь побѣжала туда. Скорѣй, пойдемъ и мы!

Николо. Не бось, мы не будемъ послѣдними. — Есть ли тамъ Комисары?

Лоренцо. Натурально! — Цѣлую казну можно получить въ добычу.

Николо. Ай! ей не должно попасться ни въ какія руки, кромѣ нашихъ. — Пойдемъ, пойдемъ! — Смѣлѣе! — Вѣрно прошли уже Козаки.

Всѣ. (*кричатъ между собою*) Да здравствуютъ Козаки!

Николо. Я право ихъ люблю, для того что чрезъ нихъ можно кое-что получить.

Лоренцо. Это правда.

Николо. И естьли мы гдѣ нибудь попадемся, то — знаете, что сдѣлаемъ?

Лоренцо. Мы будемъ Козаками.

Всѣ. Браво! браво иссимо!

Севастіано. Ну, Толомео, что такъ призадумался?

Толомео. Мнѣ только что пришла въ голову странная мысль.

Севастіано. Сообщи ее намъ.

Толомео. Я думалъ и желалъ: естьли бы жилъ еще теперь бывшій господинъ твой и Атаманъ, храброй Ринальдини (*): онъ предводительствовалъ бы своими молодцами, доставилъ себѣ и имъ прощеніе, показалъ, кто онъ былъ, и проводилъ бы Французовъ до самыхъ провинцій. — Ахъ, доброй мой Атаманъ! — Посмотрите, когда только вспомню объ немъ, всегда глаза у меня мокры. — Друзья, этотъ Италіанецъ былъ великой человѣкъ!

(*) Я не виноватъ, естьли Читатели не знаютъ сего человѣка, и его похожденій. Исторія сего напечатана и занимаетъ Публику.

Лоренцо. Ролю его взяли другіе, и играютъ также какъ и онъ.

Толомео. Нѣтъ! Ринальдини былъ одинъ.

Северо. (*вбѣгаетъ съ ужасомъ*) Знаете ли? —

Лоренцо. Что?

Северо. Козаки уже на горахъ.

Цебедео. И — дьявольщина!

Лоренцо. Что дѣлать?

Севастіано. Пошлемъ къ нимъ Депутатовъ.

Лоренцо. Они насъ не поймутъ.

Севастіано. Мы станемъ говорить имъ знаками.

Сангроне. А мой совѣтъ: спрячемся въ пещеры и станемъ дожидаться послѣдствія.

(*слышны вдали выстрѣлы*)

Северо. Слышите ли?

Цебедео. Припрячьте-ка драгоцѣнности.

Северо. Есть ли у насъ провіантъ?

Цебедео. Будетъ недѣли на двѣ.

Северо. Скорѣй въ ущелины!

VII.

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ЛАГЕРѢ ПРИ КОНЦЕЗѢ.

Моро. (*на лошади, разъѣзжая передъ фрунтомъ взадъ и впередъ*) Хорошо!

Сержантъ. Славный Генералъ нашъ хочетъ говорить рѣчь.

Солдаты. Рѣчь? — она будетъ прекрасна!

Моро. Вамъ, храбрые воины! которые собрались подъ побѣдоносныя знамена величайшей изъ Республикъ, вамъ полезны слова, которыя произнесу предъ вами; вамъ полезно то, что я скажу теперь.

Солдаты. Говори, Генералъ! мы слушаемъ.

Моро. Вы все тѣ же, что были прежде; — слава Франціи и воиновъ ея не умираетъ.

Піемонтскій Офицеръ. (*про себя*) Какъ Далай-Лама (*).

Моро. Вы, храбрые воины! которымъ никакіе утёсы не были круты, никакая батарея не была — высока, ни какіе волны не были глубоки и быстры! отъ вашихъ Республиканскихъ штыковъ трепе-

(*) Естьли Читатели не знаютъ еще сего безсмертнаго человѣка, его преселенія и слѣпаго обожанія, которое оказываютъ къ нему послѣдователи его: то могутъ познакомиться съ этимъ изъ слѣдующихъ книгъ: Sammlung aller Reisen VII B. S. 215 — 226. — Happelii Relat. curios. T. I. p. 146. T. IV. p. 380.

щутъ наемники Гишпанцовъ, Агличанъ, Италіанцовъ и Нѣмцовъ, которыхъ впрочемъ военная слава была такъ высоко вознесена, и такъ глубоко основана, что никто не могъ оскорбить ихъ безъ казни (*). Французскіе штыки блистаютъ въ непреодолимой крѣпости Малышы; блистаютъ на берегахъ обожаемаго нѣкогда Нила, и тѣ, кои предводительствуютъ вами, слышатъ теперь въ отдаленной части Свѣта, гдѣ были чудеса, громъ столповъ Мемноновыхъ (**). Это вы, которые въ продолженіе трехъ

(*) Тацитъ говоритъ уже: Nemo Germanis unquam bellum intulit impune: т. е. никто Германцамъ не наносилъ войны безъ наказанія.

(**) Все, что служитъ къ объясненію сего мѣста, можно найти въ книгѣ подъ заглавіемъ: Pococks Beschreibung des Morgenlandes. Th. I. S. 164 — 231.

лѣтъ сдѣлали 318 сраженій и стычекъ, взяли 918 славныхъ городовъ и крѣпостей, отняли у непріятелей 8900 пушекъ и убили 636,880 человѣкъ (*). Словомъ: вы непобѣдимѣйшіе Герои просвѣщеннаго вѣка. Поздные потомки станутъ съ удивленіемъ читать ваши дѣла. Вы переживете все, такъ какъ побѣждаете все, что ни противустанетъ вамъ. — Правда, что вы иногда не много подавались назадъ (**) — но это ни-

(*) Счетъ этотъ сдѣланъ однимъ Французомъ такъ, какъ онъ здѣсь представленъ. V. Prudhomme Histoire generale et impartiale des Crimes commis pendant la Revolution Française. Paris 1797 T. VI. p. 522.

(**) Это увертка Французскихъ Генераловъ вмѣсто обращенія въ бѣгство. Вообще Евфемизмъ есть — Boni omnis captatio, т. е. искусство, не пріятное

чего не значитЪ вЪ сравненіи сЪ вашими подвигами; и ретирады могутЪ быть иногда учинены со славою. ВЪ примѣрЪ можетЪ служить вамЪ моя прежняя ретирада, которую ПосселытЪ сЪ великою похвалою предпочитаетЪ Ксенофонтову возвращенію. Я и теперь тотЪ же, что прежде былЪ, и, естьли нужда потребуетЪ, могу еще сдѣлать ретираду. Но этого не нужно. Мы пойдемЪ впередЪ, разобьемЪ непріятелей и одержимЪ побѣду. — Что значатЪ

выражать вЪ пріятныхЪ словахЪ — фигура, которой Полководцы великой націи весьма прилѣжно учились, и рѣдко у нихЪ проигранная баталія была что нибудь больше, какЪ Affaire, Choc. Прекрасно обЪ этомЪ писали двое славныхЪ АвторовЪ. Mr. de Bar Babioles. T. III. p. 114. — Marſais de Tropes Par. 1757 p. 173.

сіи Австрійскія машины (*), которыя обыкновенно приводятся въ движеніе палками, что значать они въ сравненіи съ непобѣдимыми Республиканцами, которые (**) сами себя добровольно приводять въ движеніе? — Вы, подобно утесамъ, стоите непоколебимо, и безсильная ярость варварскихъ волнъ разбивается при брегѣ величественной вашей вольности. . . . Говорятъ, будто вы боитесь Рускихъ. Нѣтъ, это быть не можетъ! и что слова мои справедливы — то вы докажете на самомъ опытѣ. . . . Друзья!

(*) „Сіи арміи невольниковъ, сіи Австрійскія машины при всѣхъ ихъ маневрахъ и пушечныхъ выстрѣлахъ ихъ Офицеровъ не могли устоять противъ нашихъ Республиканскихъ легіоновъ.„ La France libre. — P. 71.

(**) „Мы вездѣ непобѣдимы.„

истребите сихЪ варваровЪ, и человѣчество воздвигнетЪ вамЪ монументЪ, на коемЪ начертана будетЪ надпись: *вольность побѣдила рабство.* ВЪ ПарижскомЪ ПантеонѣЪ —

Піемонтецъ. (*про себя*) — Которой черезЪ нѣсколько мѣсяцовЪ рушится!

Моро. — Начертаны будутЪ надписи вашей славы тверже и долголѣтнѣе, чемЪ монументы рабства ФараоновЪ, на коихЪ развѣвается теперь знамя вольности; то самое знамя, которое вѣетЪ на скалахЪ нашей надежды, на тронѣ Средиземнаго моря (*). Я не по-

(*) Здѣсь разумѣется Мальта, на языкѣ гражданЪ великой націи, вЪ которой теперь все иначе, нежели было прежде. — ,,МысЪ Доброй Надежды Средиземнаго моря, и тронЪ того же

нимаю, какъ осмѣлилась горсть Козаковъ появиться предъ глаза нашимъ ветеранамъ безъ всякой казни? Вашъ взглядъ, взглядъ сыновъ вольности, гражданъ великой націи, долженъ былъ повергнуть ихъ на землю. Но что еще не учинено, то можетъ учиниться и будетъ учинено. — Съ разсвѣтомъ дня нападемъ мы на непріятелей. —

Піемонтецъ. (*про себя*) Или они нападутъ на насъ.

Моро. Разобьемъ ихъ —

Піемонтецъ. (*про себя*) Или насъ разобьютъ.

Моро. Разсѣемъ ихъ и прогонимъ въ печальныя ихъ степи.

самаго моря." — Recherches Hist. et polit. sur Malte. p. 97.

Піемонтецъ. (*про себя*) И по этому надобно будетъ намъ далеко гнаться за ними — а Республика такъ скупа на башмаки.

Моро. Посвященныя вольности поля Ломбардіи, украшенныя повсюду трофеями арміи великой, непреодолимой націи, изрыгнутъ изъ себя сихъ варваровъ. Не только гробъ они найдутъ себѣ въ сихъ посвященныхъ вольности поляхъ, — бѣжать будутъ они — сіи несчастные рабы —

Піемонтецъ. (*про себя*) Которые не знаютъ бѣгства.

Моро. И величественное древо вольности опять зазеленѣетъ на прелестныхъ поляхъ Италіи, которыя мы —

Піемонтецъ. (*про себя*) Которыя Французы опустошили какъ саранча.

Моро. Освятили нашими побѣдами, и сдѣлали полями безсмертными. — И такъ ступайте граждане и благородные воины! да здравствуетъ нераздѣлимая великая Республика! смерть и гибель нашимъ врагамъ!

(Гобоисты играютъ арію изъ Оперы)

Солдаты. Великій Генералъ! ты достоинъ предводительствовать нами. Мы удостоиваемъ тебя нашей довѣренности; мы слѣдуемъ за тобою. — Да здравствуетъ Республика! смерть и гибелъ врагамъ нашимъ!

VIII.

ВЪ РУСКОМЪ ЛАГЕРѢ ПРИ СЕРІАТО.

Суворовъ. (*предъ фрунтомъ Рускаго корпуса*) Неустрашимые солдаты, которыми я всегда съ честію и славою предводительствовалъ! теперь веду я васъ противъ надменнаго непріятеля, который разорвалъ всѣ узы гражданскаго благосостоянія и единства, нарушилъ священные договоры и старался у добрыхъ людей похитить религію. Я привелъ васъ въ Италію, быть спасителями угнѣтенныхъ націй, доставить Верьховнымъ Особамъ уваженіе, поддержать колеблющіеся, воздвигнуть опроверженные троны

и возвратить религіи ея священныя, отнятыя у нея права. Слѣдуйте за мною и свершите то, что начали. Богъ съ нами! мы побѣдимъ.

Солдаты. Веди насъ противъ враговъ. Богъ съ нами! Суворовъ ведетъ насъ и — мы побѣдимъ.

Суворовъ. (*къ своимъ Адъютантамъ*) Сигналъ къ нападенію!

(*подан сигналъ*)

Адъютантъ. Козаки перешли черезъ Адду.

Второй. Непріятель обращенъ въ бѣгство.

IX.

ВЪ МИЛАНѢ

На площади.

Генералъ Викторъ. Я надрываюсь съ досады!

Генералъ Монтрикадръ. Моро при Концезѣ говорилъ рѣчь къ своимъ солдатамъ. —

Викторъ. Я день и ночь читалъ Блера въ переводѣ Гна. Кантвелля, говорилъ къ солдатамъ рѣчь, которой сильнѣе не льзя сказать; называлъ ихъ *непобѣдимыми*, *гражданами великой націи*; говорилъ имъ, что честность, мужество и храбрость отличаютъ истиннаго Республи-

канца; заклиналъ ихъ честію Республики, націи, заклиналъ тѣнями падшихъ героевъ и достопочтенными пятью главами въ Парижѣ, чтобы они стояли, сражались и побѣдили; — Козаки переплыли при Треццо черезъ Адду и *непобѣдимые* полетѣли.

Два пьяные Гренадера. (*идутъ мимо шатаясь*) Шутка не хороша! непобѣдимые легіоны Республики побиты варварами.

Монтрикардъ. Хорошее эхо!

Викторъ. Оно пройдетъ до Парижа, и всѣ побродяги станутъ бранить насъ.

Медіоланецъ. (*нападаетъ съ кинжаломъ на другаго, который увертывается и*

убѣгаетъ) Проклятый Аристо-кратъ!

Викторъ. Что тамъ?

Медіоланецъ. Эта собака радуется, что скоро появятся въ городѣ Австрійцы.

Викторъ. Я думаю и самъ то же.

Медіоланецъ. Горе намъ бѣднымъ патріотамъ! — Медіоланцы! Италіанцы! братья! естьли въ васъ есть дальновидность и разсудокъ, естьли вы любите свое отечество, хотите быть вольными; то возьмите оружіе, дабы сразить и уничтожить вашихъ тирановъ (*). Жены! любезныя

(*) И Италїанцы имѣли своихъ крикуновъ. Дѣлали прокламацїи, говорили рѣчи и таковыя провозглашенїя иногда

дѣвицы! вы, которыя совершенно владѣете сердцами вашихъ любезныхъ, употребите все искусство краснорѣчія, чтобы уговорить ихъ къ сему священному долгу.

(Народъ мало по малу собирается вокругъ крикуна)

Медіоланецъ. Возьмите, благородные юноши и мужья, оружіе! соберитесь подъ знамена благородныхъ Республиканцевъ. У нихъ-то правда. Слышите ли гласъ ихъ? Они одни могутъ распространить благополучіе, и не

съ самаго театра дѣланы были къ народу. Передо мною лежитъ мѣсто подобнаго содержанія: L'Aristocratico convertito Commedia di 5 Atti, Mantova. Anno 1. della liberta Italiana. Изъ сочиненія сего я буду иногда подобныя мѣста сообщать.

желаютЪ погибели ни одного человѣка. Возьмите оружіе! — да здравствуетЪ Республика! да здравствуютЪ свободные Италіанцы!

Множество голосовЪ. ВиватЪ Французская Республика! да здравствуетЪ освобожденная Италія! да здравствуютЪ свободные Италіанцы!

МедіоланецЪ. ПротивЪ враговЪ!

ФехтмейстерЪ. Сей часЪ, сей часЪ!

КонфетчикЪ. Наша Директорія укладывается.

ФехтмейстерЪ. Откуда знаешь ты это?

КонфетчикЪ. Военный МинистрЪ беретЪ сЪ собою на дорогу центнерЪ дьяволовЪ.

Адвокатъ. Чтобъ дьяволы лучше взяли его съ собою!

Аптекарь. Директоры дѣлаютъ худо, что насъ оставляютъ! коробочка должна стоять на своемъ мѣстѣ, пока аптекарь не поставитъ ее на другое мѣсто. Мы аптекари, Государство аптека, а Директоры коробочки: въ нихъ содержатся средства къ сохраненію и прекращенію жизни.

Викторъ. Естьлибъ послушали это въ Парижѣ!

Аптекарь. Заприте аптеку, откройте лабораторію и разсматривайте, что находится въ коробочкахъ Государства.

Фехтмейстеръ. Другъ! ты довольно найдешь въ нихъ ртути.

Аптекарь. Она не уйдетъ отъ насъ. Мы знаемъ искусство ее въ постоянство привести.

Фехтмейстеръ. А она искусство — насъ провести.

Конфетчикъ. Да, дьявольщина! насъ провели хорошо!

Аптекарь. Сколько нада было.

Конфетчикъ. Мы довольно дали денегъ за защищеніе. И кто теперь защищаетъ насъ? — Гдѣ наши сильные друзья? До послѣдней капли крови хотѣли они насъ защищать. Да! мы прекрасный лимонъ, сорванный, очищенный, выжатый, а послѣ — тамъ лежитъ наша скорлупа!

Аптекарь. Козаки ѣдятъ ее.

Конфетчикъ. И весь лимонъ ни къ чорту.

Фехтмейстеръ. О Боже!

Аптекарь. Чтожь дѣлать!

Французскій Офицеръ. Граждане! чтобъ не было никакихъ собраній: онѣ запрещены.

Нѣсколько голосовъ. Помогите намъ!

Офицеръ. Помогайте сами себѣ. Защищайте другъ друга противъ всеобщаго врага вашего.

Адвокатъ. За что же платимъ мы солдатамъ? за что содержимъ вспомогательныя войска?

Офицеръ. Это вашъ долгъ.

Адвокатъ. Почему жь вы не исполняете своего?

Офицеръ. Какъ не исполняемъ? Мы содержимъ васъ въ

чистотѣ и порядкѣ. Вы должны молчать и повиноваться. — Вы дѣти. Естьли вы проступитесь, то васъ нада сѣчь лозами.

Фехтмейстеръ. Ни слова объ лозахъ. Я Фехтмейстеръ Государства и не могу снесть такого ругательства. (*вынимаетъ шпагу*) — Выходи.

Офицеръ. (*съ хладнокровіемъ*) Республиканецъ вынимаетъ шпагу только противъ врага.

Фехтмейстеръ. Я врагъ твой.

Офицеръ. Публично?

Фехтмейстеръ. И явно!

Офицеръ. (*къ солдатамъ своимъ*) Возьмите шпагу у сего мятежника и отведите его въ крѣпость.

(*солдаты обезоруживаютъ Фехтмейстера.*)

Фехтмейстеръ. Медіоланцы! и вы дозволяете это? —

Офицеръ. Молчи, собака! — отведите его.

(*уводятъ Фехтмейстера*).

Офицеръ. (*къ прочимъ*) Вы будьте спокойны, не умничайте, и терпите, что должны терпѣть; а не то вымоютъ вамъ головы Республиканскимъ щолокомъ, которой будетъ стоять вамъ всѣхъ волосъ.

(*уходитъ*).

•

Конфетчикъ. Чортъ возьми меня! этакъ говорить къ почетнымъ гражданамъ? — Развѣ мы не всѣ равны, и слѣдовательно не каждый ли изъ насъ будетъ почетнымъ, какихъ мало въ свѣтѣ?

Аптекарь. Ахъ! я думалъ, вы давно уже примѣтили, что мы значимъ?

Конфетчикъ. А что?

Аптекарь. То, что пестикъ въ рукахъ Аптекаря.

Адвокатъ. Мы есть спорящаяся партія, которая не найдетъ себѣ судьи.

Францисканскій монахъ. (*приближается*) Къ спорящейся церкви принадлежимъ мы, и есть-ли угодно, — также и къ торжествующей. Благословенъ грядый во имя Господне!

Конфетчикъ. Дактожъ это?

Францисканецъ. Привязавый жеребя своё къ винограду и за нимъ грядутъ ученики его, припоясавъ мечь при бедрѣ.

Аптекарь. Батюшка говоритъ объ Суворовѣ.

Францисканецъ. (*съ довѣрчивостію*) Онъ не въ дальнемъ уже разстояніи. — Завтра можетъ быть увидите вы въ стѣнахъ своихъ.

Портной. (*бѣжитъ запыхавшись*) Французы идутъ въ цитадель.

Ткачь. Армія оставляетъ городъ.

Четочникъ. Директоры наши ушли и взяли съ собою наши деньги, чтобъ послѣ промотать ихъ во Франціи.

Народъ. Отворите Австрійцамъ ворота. Признайте

опять Императора, стараго вашего Владыку.

(*Французская конница скачетъ черезъ городъ — бьютъ генеральный маршъ*)

Портной. Благородные Республиканцы и друзья! вы бѣжите и хотите насъ оставить.

Егерь. Мы оставляемъ васъ Козакамъ. — Мы доставили вамъ вольность — и такъ защищайте ее и не выпускайте изъ рукъ.

Портной. Но за чтожъ намъ ее схватить. Она нага.

Егерь. Такъ одѣньте ее.

Портной. По крайней мѣрѣ мы одѣли дѣтей ея.

Егерь. Полно умничать.

(*Портной идетъ назадъ*).

Францисканецъ. Скоро услышимъ мы *Тебе Бога хвалимъ*, и увидимъ опять процессію Св. Гвоздя (*).

Народъ. Все по прежнему! да здравствуетъ Императоръ!

Егерь. Естьлибъ мы теперь не были въ бѣгствѣ!

Женщина. Ахъ, Боже мой! правда ли, что идутъ Козаки?

Портной. Да, тетушка! идутъ. Завтра будутъ они здѣсь.

(*) Это бываетъ въ день Обрѣтенія Креста. — Во все то время, какъ Французы содержали Миланъ въ осадѣ, не льзя было праздновать сей церемоніи. Когда они принуждены были оставить городъ, то процессія опять началась съ великимъ торжествомъ.

Женщина. Ахъ, всѣ Святые! какъ будутъ они обходиться съ нами?

Портной. Очень хорошо. Естьли дашь имъ довольно вина, то они смирны какъ ягненки; а до женщинъ и не дотрогиваются.

Женщина. Ахъ, доброй народъ! — Французскіе Республиканцы думали совсѣмъ иначе.

Ткачь. Козаки не Республиканцы.

Женщина. Это была дикая, варварская сволочь.

Ткачь. Козаки храбры.

Лавошникъ. (*приходитъ*) Я видѣлъ нѣсколько!

Ткачь. Чего?

Лавошникъ. Козаковъ.

Женщина. Козаковъ? гдѣ они?

Лавошникъ. У заставы.

Народъ. Они идутъ! — Козаки идутъ!

X.

ВЪ МИЛАНѢ.

На улицѣ.

Токарь. Они ужь здѣсь! — Козаки проѣхали сквозь ворота. Они уже въ городѣ.

(*всѣ бѣгутъ къ воротамъ.*)

Народъ. Козаки! Козаки!

Токарь. Смотрите, смотрите! вонъ нѣсколько ихъ въѣхало.

Четочникъ. Поздравьте ихъ! примите ихъ по достоинству и заслугамъ.

(*толпа Козаковъ изъ полку Молчанова въѣзжаетъ въ городъ и останавливается на улицѣ. — Они осматриваются съ недовѣрчивостію*)

Четочникъ. Они недовѣрчивы! — посмотрите, какъ они оглядываются. Что за взоры!

Токарь. Они ищутъ Французовъ.

Торговка. *съ (фруктами)* Ахъ! что за люди! какой видъ у нихъ! у! страшно!

Цвѣточница. Фу, что за бороды! что они не брѣются?

Токарь. Они брѣютъ другихъ. Ступайте имъ на встрѣчу. Мы поздравимъ ихъ учтивымъ образомъ. (*Онъ подходитъ къ Козакамъ съ стаканомъ вина*) Добро пожаловать, господа Козаки! вы теперь находитесь въ славномъ городѣ Миланѣ, въ которомъ 22 воротъ, 220 церквей и часовень, 110 монастырей и много рѣдкостей; также еще лежитъ Гвоздь

Господень; вы идете въ древній славный городъ, которой нѣсколько разъ былъ въ осадѣ и завоеванъ (*); и теперь имѣетъ счастіе быть завоевану вами.

Торговка. (*съ фруктами*) Сосѣдъ говоритъ хорошо.

Токарь. Я учился этому.

Козакъ. (*беретъ стаканъ, смотритъ въ него, пьетъ и подаетъ своимъ товарищамъ*) Вкусно! только не крѣпко!

Торговка съ фруктами. Вѣрно онъ хвалитъ вино. — (*подноситъ Козакамъ корзинку*

(*) Bose Notit. Mediolanens. Helmst. 1702. разсказываетъ и говоритъ, что Миланъ былъ 48 разъ въ осадѣ, и 22 раза плѣненъ. Съ тѣхъ поръ еще нѣсколько разъ прибавилось.

съ фруктами) Самыя лучшія, государи мои!

(*Козаки смѣются, берутъ фрукты и тотчасъ съѣдаютъ ихъ*)

Цвѣточница (*подноситъ Козакамъ корзинку съ цвѣтами*).

Козакъ. (*беретъ пучекъ цвѣтовъ, и затыкаетъ его въ шапку*) Спасибо!

Цвѣточница. Посмотрите! посмотрите!

Четочникъ. (*приноситъ пироговъ и водки*) Соблаговолите, государи мои!

Козаки. Это хорошо!

(*пьютъ и ѣдятъ*)

Торговка. (*съ фруктами*) Они голодны!

Нѣсколько ГражданЪ (*продираются кЪ Козакамъ и даютъ имъ денегъ*) ВотЪ! вотЪ! возьмите! мы даемЪ вамЪ сЪ радостію!

Козаки. (*смѣются и берутъ деньги*) Хорошо! хорошо!

Торговка. съ (*фруктами*) Посмотрите, какЪ они странно смѣются! совсѣмЪ не такЪ, какЪ у васЪ.

Портной. (*съ важностію*) Это натурально. Вѣдь они не Италіанцы.

БашмашникЪ. Это полудикіе.

Торговка. (*съ фруктами*) АхЪ, Боже! — поглядите на ихЪ лица! какЪ они широки и всѣ заросли!

Козаки. (*спрашиваютъ минами о Французахъ*) Французъ? — Французъ?

Токарь. (*трясетъ головою и дѣлаетъ мину, что они убѣжали*) Они ушли!

Козаки. (*смѣются и бьютъ по саблямъ*) Га, га, га!

Токарь. Да, эти сабли прогнали ихъ. — Что за странные люди!

(*нѣсколько человѣкъ продираются къ Козакамъ и приносятъ имъ подарки*)

Два Францисканца. (*приходятъ*) Да благословитъ васъ Господь, добрые люди! васъ, которые обнажаете мечь свой за священную религію. Золота и сребра у насъ нѣтъ; но что есть, то даемъ во имя Господне. (*благосло-*

вляютъ ихъ) Благодать Господня съ вами!

Козаки. (*съ набожностію кладутъ крестообразно руки на грудь*) Мы понимаемъ это.

Козакъ. Это дѣлаютъ они хорошо.

Торговка. (*съ фруктами*) Ахъ, поглядите, какъ они набожны! ахъ, добрые, дикіе люди!

Цвѣточница. Ахъ, милые Христіане, обросшіе бородою!

(*подаетъ предводителю Козаковъ розу*)

Козакъ. (*дѣлаетъ презрительную мину*) Нѣтъ! нѣтъ!

Цвѣточница. Какъ? не хочетъ розъ? — вотъ и видно, что онъ дикой: ибо Христіанинъ никакъ не презритъ розы.

Къ 154 Стр.

Это дѣлаютъ они хорошо!

Антикваріусъ. Однакожъ, милая моя! исторія представляетъ намъ примѣры, что многіе изъ Христіанъ и даже Кардиналы, имѣли антипатію къ розамъ (*).

Цвѣточница. Ну, такъ я сожалѣю о всѣхъ этихъ Христіянахъ! Я конечно понимаю, что значатъ цвѣты; однакожь роза

(*) Антикваріусъ по видимому читалъ много; но и мы также читали. Вотъ имена тѣхъ, которые не могли нюхать розы, и даже при самомъ запахѣ падали въ обморокъ: Кардиналъ *Карофа*, Римскій дворянинъ *Мелинъ*, Королева *Катерина Медицисъ*, Кардиналъ *Кардона*, Докторъ *Гехтъ*, Рыцарь *Гвизе* и мн. др. Свидѣтельство сему можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Pier. Valerian Hieroglyphic. L. 8. — Happelii Relat. curios. T. IV. p. 98. — Balzac. Entret. 5 p. 131.

есть и будетъ всегда царицею цвѣтовъ въ мірѣ.

Молодой человѣкъ. (*гладитъ ее по щекѣ*) Роза есть подобіе дѣвушекъ.

Цвѣточница. (*съ уклонкою*) Я знаю также своего Аріоста (*). Однакожь благодарю

(*) Это обыкновенно бываетъ въ Италіи. Часто изъ самаго низкаго состоянія людей говорятъ между собою наизусть по цѣлымъ пѣснямъ изъ своего стихотворца. Прекрасное оное подобіе воспѣваетъ Аріосто въ своемъ *Неистовомъ Роландѣ*. Пѣснь 1 станс. 42, 43. Оно такъ прекрасно, что не льзя его здѣсь не повторить. Вотъ оно:

La Verginella è ſimile alla Roſa
Ch' in bel giardin ſu la nativa ſpina,
Mentre ſola e ſicura ſi ripoſa
Nè gregge, nè paſtor ſe le avvicina;

васъ за комплиментъ. — Не угодно ли вамъ товаровъ моихъ?

L' aura ſoave, e l' alba rugiadoſa,
L' acqua e la terra al ſuo favor s' inchina;
Giovani vaghi, e Donne innamorate,
Amano averne e ſeni, e tempie ornate.

*

Ma non ſi toſto dal materno ſtelo
Rimoſſa viene, e dal ſuo ceppo verde,
Che quanto avea dagli uomini, e dal cielo
Favor, grazia, e bellezza tutto perde.
Le Vergine, che'l fior, di che piu zelo
Che de begli occhi, edella vita averde
Laſcia altrui corre; il pregio ch' avea inanti
Perde nel cor di tutti gli altri amanti.

Едва я осмѣливаюсь присовокупить здѣсь переводъ мой въ прозѣ. Между тѣмъ однакожь, но — только для читательницъ, которые не разумѣютъ по Италїански.

Молодой человѣкъ. Я живу тамъ — въ томъ уголь-

„Дѣвушка подобна розѣ. До тѣхъ поръ, пока она стоитъ въ саду на дернѣ тихо и уединенно; до тѣхъ поръ не приближаются къ ней ни стада, ни пастухи. Пріятной зефиръ и росистая заря, вода и земля изливаютъ на нее свои благодѣянія; прекрасные юноши и дѣвушки желаютъ украсить ею голову и грудь. Но едва снимается она съ зеленой вѣтки, отломится отъ матерняго стебля, и — теряетъ уже прежнюю привлекательность, любезность и красоту свою, которую имѣла она въ глазахъ людей и неба. Дѣвушка, которая цвѣтъ свой, цвѣтъ, которой должна она беречь болѣе, нежели глазъ, нежели жизнь, позволяетъ сорвать другимъ, теряетъ всю цѣну свою въ сердцѣ любовника.„

Естьли недовольно нѣсколько разъ прочесть прекрасное мѣсто; то недо-

жомъ домѣ. — Естьли Козаки тебя не удерживаютъ —

Цвѣточница. Ни мало!

Молодой человѣкъ. То я имѣю счастіе тебя, прелестная Флора, у себя видѣть.

(*уходитъ*)

Цвѣточница. Козаковъ видятъ не всегда; а любовниковъ каждой день.

(*нѣсколько Козаковъ въѣзжаютъ — ихъ также какъ и первыхъ дарятъ, поятъ и кормятъ*)

Козаки. Здѣсь хорошо!

Токарь. Какъ право досадно, что мы не понимаемъ по Козацки!

вольно и нѣсколько разъ его привесть и повторить. — Это извинитъ мое длинное примѣчаніе.

Торговка *съ фруктами.* Намъ надобно будетъ немного поучиться, естьли они пробудутъ у насъ долѣе. Для того что, на примѣръ, поставятъ Козака на квартиру —

Токарь. Они не станутъ на квартирахъ, а только проѣдутъ.

(Козаки ѣдутъ далѣе во внутренность города — народъ идетъ за ними толпою)

Токарь Совершенно, какъ какіе нибудь балансеры.

(слышны два пистолетные выстрѣла)

Портной. Боже сохрани, ежели они сыщутъ кого нибудь изъ Французовъ!

Торговка съ (*фруктами*) Чтожъ такое? пусть ихъ стрѣляютъ! чѣмъ они заслужили наше сожалѣніе? развѣ своими угнѣтеніями и налогами. Человѣческая жизнь, какъ бы она ни была полна и свѣжа, для сихъ подлыхъ тварей значила тоже, что для меня гнилой лимонъ. Они довольно дѣлали экзекуцій въ нашемъ городѣ.

Четочникъ. Это правда! они совершенно были влюблены въ экзекуціи. Сколько они перевѣшали и перестрѣляли! И я никогда не повѣрю, чтобы Козаки могли ѣсть человѣческія сердца, какъ дѣлали Французы (*). До какой

(*) Это было и въ Парижѣ. — Quinzaine memorable. p. 179. — Смотри Scenen in Paris und Versailles IV. Th. S. 141. —

степени простиралось ихъ варварство, когда они жгли, драли и грабили? — Для меня, право, странно, что они еще такъ спокойно ушли.

Портной. Они боялись, чтобъ мы не принялись за оружіе.

„Бросьте все правосудіе народное, говорили тогда. — Прудгомъ разсказываетъ между прочимъ въ исторіи своей о преступленіяхъ и проч. слѣдующее произшествіе: „Генералъ Гушетъ велѣвши застрѣлить толпу неутралитетовъ, спросилъ у Депутатовъ Генца и Франкостеля, не желаютъ ли они посмотрѣть человѣческаго фрикасе, на что они и согласились.„ — „Сей же самый Генералъ показалъ симъ же самымъ Посламъ пламень, который подымался съ тѣхъ странъ, которыя велѣлъ онъ зажечь.„ — Такія дѣла не заслуживаютъ примѣчаніх.

Токарь. Чтобъ мы не сдѣлали съ ихъ гарнизономъ въ цитадели, естьлибъ они поступили противъ насъ худо? Все, что дышало Франціею, сидѣло бы и на клинкѣ.

Торговка: *съ (фруктами)* Я говорю, что небо избавило насъ отъ великаго бѣдствія.

Портной: И я то же говорю — отъ Французскаго бѣдствія.

Гіакомо. (*идетъ съ бумагою въ рукѣ*) Друзья! я воспѣлъ Козаковъ.

Цвѣточница: Воспѣлъ? Козаковъ? а меня нѣтъ?

Гіакомо: Это еще будетъ маленькая царица цвѣтовъ! Ты,

которая къ томужъ еще такая прекрасная дѣвушка!

Цвѣточница, (*кланяясь*) Стихотворцы всѣ любезны.

Торговка (*съ фруктами*) Полно вамъ считаться.

Токарь. Чтожъ воспѣтые Козаки?

Гіакомо. Ну, слушайте. (*читаетъ*)

Какъ шумная буря чрезъ лѣсъ,
Какъ молнія въ тверди небесъ;
Такъ быстро и смѣло летятъ
Козаки къ намъ, къ счастью въ Миланъ.
Французы отъ нихъ всѣ дрожатъ,
Какъ въ бурю сѣдой океанъ
Волнами своими грозитъ
Прибрежны скалы раздробить:

Токарь. Какъ превосходно слово *раздробить*!

Цвѣточница. Прекрасно! кажется будто сама вижу.

Гіакомо. (*читаетъ далѣе*)

Такъ храбры Кавказски Козаки
Французовъ крядами кладутъ.
Французы трепещутъ, бѣгутъ
Съ полей кроволитныя драки.
Въ ничто ихъ штыки поставляя
Козаки за ними бѣгутъ
Блестящія стѣны ломая.

Токарь. Это сказано прекрасно! — Ломать блестящія стѣны — какая величественная картина!

Цвѣточница. Какъ прекрасно! совершенно, какъ будто сама тамъ нахожусь, и хочу ломать вмѣстѣ.

Гіакомо. (*кланяется и читаетъ далѣе*)

Надменны Французы все мнили
Съ тѣхъ поръ, какъ въ царствѣ своемъ

Премѣнъ милліонъ натворили,
Что въ мірѣ обширномъ никѣмъ
Никакъ побѣжденны не будутъ.
Теперь говорить такъ забудутъ —
Нашелся уже побѣдитель,
Имѣющій въ Нордѣ обитель.
Козаки! я васъ воспрославлю
И прочихъ хвалить васъ заставлю —
Я Музу къ себѣ призову.

Народъ. Ура! идутъ Императорскіе Гусары!

Торговка. (*съ фруктами*) Гусары?

Мальчикъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ.

Токарь. Да, мало по малу начинаетъ уже двигаться и пестрѣться!

Портной. Слышите ли барабаны?

Народъ. Да, идутъ, идутъ!

Цвѣточница. А ваша Муза что?

Гіакомо. Хочешь ли слышать мое призываніе?

Цвѣточница. Почемужъ не такъ?

Гіакомо. Такъ пойдемъ ко мнѣ; — оно тамъ будетъ.

Цвѣточница. Къ вашимъ услугамъ.

(*уходитъ съ нимъ*)

Народъ. Австрійцы! — идутъ! — да здравствуетъ Императоръ!

XI.

МИЛАНЪ.

Ночь. — Городъ иллюминованъ.

Купецъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пало наше Государство и вольность, въ городѣ все было, какъ будто мертво. Не было никакихъ праздниковъ и увеселеній. Генералы и Директорія дѣлали у себя пиры и балы; мы платили за нихъ, и не могли быть тамъ — потому что были всѣ *равны*.

Хлѣбникъ. Ахъ! какъ прекрасно было сего дня священное *Тебе Бога хвалимъ*!

Кузнецъ. Во всю жизнь мою не забуду этого.

Купецъ. Ни одинъ Медіоланецъ не забудетъ этого. Я плакалъ.

Хлѣбникъ. И я также.

Живописецъ. А видѣли ли вы, какъ Герой Суворовъ, такъ великъ и благороденъ, такъ почтенъ и набоженъ, лежалъ на ступеняхъ олтаря и молился? — Онъ, сей великій Полководецъ, благодарилъ Бога за одержанную побѣду; Герой лежалъ у трона божескаго величія. — Такъ нарисовалъ я его. — Какъ прекрасно и величественно быть Героемъ, но еще величественнѣе — быть вмѣстѣ и Христіаниномъ!

Купецъ. Конечно. — Ахъ, друзья! для инаго право хорошо видѣть у себя опять Христіянски

думающихъ солдатъ! Французы, которые не принимали ни Бога, ни бѣса, дѣлали съ нами что хотѣли, не страшась казни и воздаянія.

Живописецъ. Суворовъ есть Гедеонъ Господень, и славно вычиститъ Филистимлянъ.

Францисканецъ. Какъ чистятъ гумно.

Парикмахеръ. Ура! вездѣ торжество и радость! окошки и головы иллюминованы. Сія иллюминація есть предѣлъ нашего паденія. До сихъ поръ и, полно. — Съ сего времени пойдетъ опять хорошо. Прочь съ обстриженными головами, прочь совсѣмъ, что выдумали Французы!

Всѣ. Прочь, прочь!

(толпа людей выходитъ съ музыкою и пѣснями)

Парикмахеръ. Что это?

Портной. Истребимъ проклятое древо вольности. Оно должно публично предано быть огню.

(разводятъ огонь и кидаютъ древо вольности)

Лавошникъ. Лежи тамъ! — Бѣдственное изсохшее дерево! гораздо суше, нежели изсохшіе садовники, которые посадили тебя, чтобы послѣ утолить голодъ свой плодами, которые мы должны были принесть тебѣ.

Народъ. Вонъ лежитъ дерево, и горитъ!

Живописецъ. Оно довольно изсохло.

Парикмахеръ. Символъ вольности въ пламени!

Антикваріусъ. О естьлибъ оно только никогда не превратилось въ Феникса!

Купецъ. Боже сохрани!

(*народъ пляшетъ съ дикимъ крикомъ вокругъ пламени*)

Антикваріусъ. Боже! будь милостивъ къ Милану, и его добрымъ начальникамъ — и сохрани весь міръ отъ Французскихъ древъ вольности!

Купецъ. Ни одно дерево не приноситъ плодовъ, хуже его.

Францисканецъ. Такъ называемое древо вольности похо-

же на древо познанія добра и зла. Французы были змѣею, а прихотливые народы подобились прельстившейся Евѣ, которая послѣ того должна была родить чадѣ своихъ въ болѣзни. Чада сіи были ужасъ и горесть, убійство и смерть. Медіоланцы! и вы прельстились. Вы хотѣли поѣсть винограду, но съѣли тернъ, который притупилъ вамъ зубы.

Хлѣбникъ. Посмотрите! это изсохшее дерево не хочетъ еще и горѣть.

Купецъ. Оно слишкомъ омочено слезами, которыя сила вольности заставила насъ пролить.

Портной. Однакожъ ему надобно сгорѣть; — надобно превратиться въ прахъ и пепелъ, хо-

тя бы оно было живущее самой вѣдьмы.

Ткачь. (*приходитъ*) Давно уже не дышалъ я такъ свободно, какъ нынѣшній вечеръ!

Лавошникъ. Вечеръ пріятенъ и чистъ, какъ небо послѣ грозы.

Ткачь. Она уже прошла.

Портной. Пусть пойдетъ въ Провансъ.

Хлѣбникъ. И тамъ скоро ударитъ.

Портной. Что намъ до того!

Токарь. Теперь я видѣлъ стараго Фельдмаршала Суворова близехонько. Онъ ѣздитъ по городу и смотритъ съ удовольствіемъ

на иллюминацію. — Надобно сказать, что тотчасъ и видно изъ него, что онъ Герой.

Францисканецъ. Господь съ нимъ!

Хлѣбникъ. И съ нами также. Онъ исхитилъ насъ изъ устъ волковъ.

Францисканецъ. Какъ добрый пастырь, а не какъ наемникъ, который при несчастіи оставляетъ овецъ.

Хлѣбникъ. Да, мы были овцы и насъ остригли хорошо.

Лавошникъ. И сверьхъ того содрали кожу. Еще одинъ годъ и — мы были бы наги, какъ первородный грѣхъ.

Францисканецъ. Первородный грѣхъ не есть нагъ.

Лавошникъ. Однакожъ Французы были наги.

Францисканецъ. Въ этомъ отношеніи и первородный грѣхъ нагъ: ибо онъ есть природной Французъ, ходитъ съ Брутовою головою и въ платьѣ, которое не есть платье, и отъ котораго ни скромность, ни тѣло не можетъ ожидать помощи. Прозрачность есть великая проблема, которая служитъ не къ отверженію, но къ одобренію сего платья. — Естьли бы я хотѣлъ оттѣнить безбожіе; то я выбралъ бы къ тому три національныя Французскія цвѣта и еще Чизальпинскій къ тому. Одна гордость надѣваетъ разноцвѣтную одежду. Скромность одѣвается просто.

Капуцинъ. Надѣваетъ бѣлую одежду, какъ мѣльники, которые всегда ходятъ въ одеждѣ непорочности, не дѣлаясь однакожь чрезъ то святыми. Да — бѣла одежда рабовъ Божіихъ на томъ свѣтѣ. И черноватый цвѣтъ хорошъ: ибо этотъ цвѣтъ имѣетъ все - питающая земля.

Антикваріусъ. Однакожь не все то, что черно, то питаетъ.

Капуцинъ. По крайней мѣрѣ позволяетъ себя питать.

Антикваріусъ. Браво!

Капуцинъ. Тихая скромность любитъ все, что просто; ибо она сама проста; а гордость любитъ пестроту.

Солдатъ. (*идетъ шатаясь съ флягою вина*) Такъ, друзья!

нейте и прыгайте, пляшите и веселитесь.

Капуцинъ. Ювалъ, сынъ Ламеховъ былъ изобрѣтатель музыки. Отъ него-то и въ нынѣшнія времена радость называется *Юбилей*; ибо онъ былъ веселая голова.

Солдатъ. А кто былъ первый солдатъ?

Капуцинъ. Кто больше, какъ не Архангелъ Михаилъ?

Солдатъ. Браво! и такъ у насъ былъ дѣдушка Ангелъ.

Венгерскій Гусаръ. Веселитесь! веселитесь! — все должно сего дня радоваться и веселиться. (*Хватаетъ Капуцина и*

тащитъ его плясать) Веселитесь, веселитесь! (*поетъ*)

Disce, bone Clerice!
Virgines amare,
Quia ſciunt dulcia
Oſcula praeſtare;
Iuventutem floridam
Tuam conſervare;
Pulchram et amabilem
Prolem procreare (*)!

Капуцинъ. Боже сохрани! Другъ, что ты дѣлаешь? Только нынѣшнее торжество можетъ извинить тебя, а то — (*къ Францисканцу*). Вотъ тебѣ! Тотчасъ и

(*) Т. е. Учись, добрый Клерикъ! любить дѣвушекъ: онѣ умѣютъ давать сладкіе поцѣлуи; умѣютъ сохранить цвѣтущую юность твою и произвесть на свѣтъ прекрасныхъ, милыхъ дѣтей.

видно, что militia (*милиція*, или *солдаты*) и malitia (*порокъ*) суть между собою родныя сестры.

Францисканецъ. Они наши избавители, — такъ чтожь и дѣлать? Свѣтъ, становится часъ отъ часу просвѣщеннѣе. — Однакожь у насъ совѣсть чиста.

Капуцинъ. (*нѣсколько погромче*) Да, имѣть чистую совѣсть, есть вещь драгоцѣнная и рѣдкая. — Чистая совѣсть есть садъ, въ которомъ не ростетъ ничего больше, кромѣ утѣшенія. Чистая совѣсть есть Календарь, въ которомъ не начитаешь ничего больше, кромѣ Dominica laetare (въ дни праздничные веселись); есть храмъ, въ которомъ знатнѣйшіе покровители Гиларіонъ и Гавденціусъ (радость и веселіе); ягне-

нокЪ, который не носитЪ ничего больше, кромѣ добра; есть часовой, который безпрестанно кричитЪ: „милой другЪ!“

ГусарЪ. (*приноситЪ ему стаканЪ вина*) За это обЪясненіе отЪ имени часоваго.

КапуцинЪ. (*пьетЪ*) Благодарствую, сынЪ мой!

Дѣвушка. Во здравіе, батюшка.

КапуцинЪ. Спасибо, дочь моя.

ГусарЪ (*беретЪ дѣвушку подЪ бороду*) О, милая моя!

O! mihi ſi liceat tecum conſumere noctem,
Baſia mille darem, pulchra puella tibi!

Капуцинъ. Сынъ мой! она прекрасна, но не полагайся слишкомъ. Аптекарскія пилюли извнѣ вызолочены, однако при всемъ томъ горьки. Она бѣла, но не полагайся слишкомъ. Серебро также бѣло; однакожь мараетъ руки. Она румяна; но не полагайся слишкомъ. Снигирь также красенъ; но щиплется больно. У нее прекрасные глаза; не довѣряй. У павлина также есть на хвостѣ прекрасные глаза; но онъ кричитъ какъ дьяволъ. Angelus penna, voce Gehenna (*по перьямъ Ангелъ, а по голосу бѣсъ*). Она ласкова, но не полагайся на это. Плющъ также ласковъ и обвивается во кругъ деревьевъ; но лишаетъ ихъ силы. Не довѣряй, и помни, что Ангелъ у гроба Господня не хотѣлъ долго говорить съ тремя Св. Женами,

но тотчасъ отослалъ ихъ. „Идите — сказалъ онъ — рцыте Ученикомъ Его и Петрови.„ Марк. гл. 16.

Дѣвушка. И такъ идите и рцыте Петрови, (*уходитъ съ гусаромъ*), что и мы пошли.

Народъ. Вонъ идутъ Козаки!

(*Козаки идутъ съ торжествомъ*)

Токарь. Скорѣй, скорѣй! подайте имъ стаканъ!

Народъ. Пейте, господа, пейте!

(*Козаки пьютъ. — Музыка опять начинается. Козаки пляшутъ*).

Народъ. Да здравствуютъ Козаки!

XII.

ВЪ ТУРИНѢ.

Генералъ Фіорилло. Генералъ! успѣхи непріятельскихъ оружій —

Моро. Велики!

Фіорилло. Насъ вездѣ разбиваютъ; Серурье и его корпусъ взяты въ плѣнъ; лучшія мѣста потеряны, обезсилены и ослаблены; всѣ жители Ломбардіи возстали противъ насъ; армія не получаетъ жалованья, аммуниціи и одѣянія; въ крѣпкихъ мѣстахъ мало провіанту. — Чего остается еще намъ ждать при такихъ обстоятельствахъ?

Моро. Чего можетъ ожидать всякой, кто больше ничего не потеряетъ. — Естьли Магдональдъ соединится съ нами —

Фіорилло. Положимъ, что ему и удастся то, но съ какою силою придетъ онъ къ намъ! Едва ли выдержитъ онъ три сраженія. Изъ Франціи не присылаютъ сикурсу. Намъ надо оставить Италію.

Офицеръ. (*приходитъ*) Мятежъ въ городѣ увеличивается.

Моро. Будьте мужественны и осторожны.

Офицеръ. Самыя женщины кидаются за кинжалы и грозятъ. Въ иныхъ мѣстахъ кричатъ съ совершенною вольностію: *да здравствуетъ Король!* — Всѣ жалуются на участь свою —

Моро. Дѣло идетъ худо!

Фіорилло. Любезные граждане! назовемъ отъ себя плодоносную Тоскану и прелестную Генуую, Лигурскою Республикою, въ которыхъ вѣчная весна приноситъ душистые плоды и разливаетъ въ воздухѣ запахъ померанцевъ и вѣчно зеленѣющихся миртовъ; назовемъ ихъ, укрѣпимъ и станемъ защищать. Отъ сего зависитъ владѣніе наше въ Италіи.

Моро. Худое защищеніе. — Я ретируюсь.

Фіорилло. Adieu Республика моя!

XIII.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Въ домѣ одной крестьянки.

Крестьянка (*занимается работою, вокругъ нее играютъ и рѣзвятся ея дѣти, они шумятъ, прыгаютъ и борются*) Ну, что тамъ такое?

Дѣти. Мы играемъ въ солдаты.

Крестьянка. Перестаньте; а не то я отдамъ васъ Козакамъ: они посадятъ васъ въ мѣшокъ, отнесутъ и съѣдятъ.

Дѣти. Козаки?

Крестьянка. Да, да, Козаки.

Дѣти. Ахъ, они не сдѣлають этого!

(*шумятъ*)

Крестьянка. Подите сюда, Козаки, и возьмите дѣтей.

Козаки. (*входятъ въ домъ, и смотрятъ вокругъ*) А, га!

Крестьянка. Ахъ, Пресвятая Дѣва Марія! я сказала это въ шутку.

(*дѣти съ трепетомъ ползутъ въ уголъ*)

Крестьянка. Ахъ, любезные Козаки, оставьте мнѣ дѣтей, я отдамъ все, что у меня есть, и чего вы хотите; (*ломаетъ руки*) не берите только у меня дѣтей. Я люблю ихъ, хотя они и шалять.

Козаки. Чего ей хочется?

Крестьянка. Ахъ! пощадите меня, несчастную женщину! Мужа моего утащили Французы, я и сама не знаю куды; не знаю, живъ ли онъ. Я несчастная мать, имѣю шестерыхъ дѣтей. — Богъ защитилъ и сохранилъ ихъ. Не берите у меня ни одного изъ нихъ, и не отвозите съ собою.

Козакъ. Женщина эта въ отчаяніи. Она думаетъ, что мы станемъ обижать ее.

Крестьянка. (*плачетъ*) Ахъ, они меня не понимаютъ!

Козакъ. Не плачь! (*дѣлаетъ тѣлодвиженіе, что ему хочется пить*) Дай напиться. —

Крестьянка. Ахъ, извольте (*открываетъ съ страхомъ шкафъ, вынимаетъ бутылку съ*

молокомъ и другую съ виномъ, ставитъ ихъ на столъ и кладетъ хлѣба) Вотъ вамъ все, что я могу дать.

Козаки. (*смотрятъ на молоко и трясутъ головою*) Нѣтъ!

Крестьянка. Лучше у меня нѣтъ; но и это довольно хорошо.

Козаки. (*опорожняютъ флягу съ виномъ*) Это лучше.

Крестьянка. Слава Богу, они пьютъ.

Козачій Старшина. (*приходитъ*) Что тутъ у васъ?

Козаки. Вино.

Старшина. (*не правильно по Италіански*) Женщина ты, мнѣ также дать вино и хлѣбъ.

Крестьянка. Хорошо! все, что у меня есть (*приноситъ вина и хлѣба*) Вотъ вино и хлѣбъ!

Старшина. Благодарю! — (*пьетъ*) Ты бѣдна женщина?

Крестьянка. Да, сударь!

Старшина. Дѣтей имѣешь много?

Крестьянка. Шестеро — но я ихъ всѣхъ люблю и ни съ однимъ не могу разстаться.

Старшина. Я хочу имѣть ни одного — (*встаетъ*) Козаки! далѣе!

(*Козаки встаютъ и оставляютъ домъ*).

Старшина. (*кладетъ деньги на столъ*) Вотъ тебѣ за хлѣбъ.

Крестьянка. Ахъ, государь мой!

Старшина. Богъ велѣлъ! (*уходитъ*)

Крестьянка. Ахъ, Пресвятая Дѣва! это Козаки? — да благословитъ Господь Козаковъ! — это добрые люди.

Дѣти. Козаки добры!

(*слышны въ деревнѣ выстрѣлы.*)

Крестьянка. Дѣти! скорѣе на чердакъ! туда, гдѣ лежитъ ленъ! — идутъ солдаты.

(*дѣти убѣгаютъ — слышно нѣсколько выстрѣловъ.*)

Крестьянка. Ахъ, Св. Антоній Падуанскій! Что-то будетъ съ бѣдною нашею деревенькою?

Французскіе Егери. (*выходятъ, останавливаются и летятъ прямо въ домъ!*) Подавай вина!

Крестьянка. Вотъ вамъ последняя бутылочка.

Егери. Врёшь, проклятая Аристократья! — Подавай благороднымъ Республиканцамъ вина! а не то —

Егерь. Здѣсь стоятъ пустыя бутылки —

Крестьянка. Господа Козаки выпили ихъ.

Егерь. Да, для Козаковъ у васъ, канальи! всего довольно.

Крестьянка. Они заплатили за это. Вотъ и деньги лежатъ.

Егерь. (*беретъ деньги и кладетъ въ карманъ*) Непріятельское имѣніе велѣно конфисковать. И такъ эти деньги принадлежатъ

вольнымъ Республиканцамъ. — Подавай вина, старая вѣдьма! а не то, мы привяжемъ тебя къ этому столбу и сыграемъ съ тобою шутку, которая — —

Крестьянка. (*падаетъ предъ ними*) Пощадите! я бѣдная женщина. Мой мужъ также служитъ между Французами. — Ахъ! вѣдь вы также Христіяне, и Козаки — —

Егерь. Молчи, и не называй больше этихъ Каннибаловъ; а не то разорвутъ тебя дьяволы!

Крестьянка. Ахъ! помилуйте!

Егерь. Перестань визжать, и подай вина!

Крестьянка. Я пойду поищу гдѣ нибудь въ деревнѣ.

Егерь. Полно запираться, или — (*вынимаетъ саблю*)

(*выстрѣлъ летитъ въ домъ, и убитый егерь падаетъ на землю*)

Егери. Дьявольщина! Козаки!

(*Козаки наступаютъ*)

Старшина. Плѣнный долженъ здаться!

Егери. Пардонъ! — пощадите!

(*отдаютъ ружья*)

Старшина. Худо поступалъ съ бѣдною женщиною. — Фуй! не воинъ! Бандитъ! — (*даетъ женщинѣ деньги*) Не

дрожать, бѣдная женщина! спасена! — Козакъ твой избавитель, Прочь! вы разбойники!

Крестьянка. Ахъ, Боже благослови Козаковъ.

XIV.

ВЪ КОЗАЧЬЕМЪ ЛАГЕРѢ ПЕРЕДЪ ТУРИНОМЪ.

Чернышовъ. Ну, теперь и Туринъ въ нашихъ рукахъ. — Скоро очередь дойдетъ и до цитадели.

Цирловъ. Мы славно угостили Французовъ!

Дранизовъ. Ужь будутъ помнить Козаковъ!

Чернышовъ. Да, когда только вспомнятъ ихъ головы о сраженіяхъ при Бресціи, Бергамо, Кассано, Лекко, при Аддѣ и Треццо, при Миланѣ и Туринѣ.

Дранизовъ. При Лекко было всего сильнѣе: тамъ досталось и мнѣ. Полковникъ Хвицкой, Маiоръ Яковлевъ и Князь Гагаринъ были сильно ранены.

Цирловъ. Да, тамъ было не на шутку.

Дранизовъ. Мнѣ досадно только, что Генералъ Моро ушелъ. При Езаго былъ онъ почти въ рукахъ у гусаровъ; но чортъ знаетъ какъ вышло, что онъ ускользнулъ.

Цирловъ. Чай хорошо у него сердечко билось!

Чернышовъ. Имъбыло пустить въ него пулю; ужъ вѣрно не ушелъ бы онъ. Раздробить ему руку — такъ и сядетъ на мѣстѣ.

Цирловъ. Что въ томъ пользы?

Дранизовъ. Естьлибъ намъ добраться до Франціи — ужь мыбъ надѣлали тамъ шуму!

Козакъ. Фельдмаршалъ идетъ! —

Суворовъ. Козаки! вы опять вели себя такъ хорошо, такъ честно, какъ и всегда. Разбитый непріятель страшится васъ, и освобожденные народы съ восторгомъ приносятъ вамъ благодарность. Ведите себя всегда хорошо. Я слышу много великодушныхъ и благородныхъ вашихъ поступковъ. Я васъ не забуду. Я знаю, какъ наградить. — Завтра опять поведу васъ противъ непріятеля.

Козаки. Веди насъ, куда тебѣ угодно; мы не постыдимъ тебя.

Суворовъ. Я увѣренъ. — веселитесь!

(*уходитъ*)

Козаки. Да здравствуетъ нашъ Полководецъ, храбрый Суворовъ!

(*шумъ и крикъ; начинается музыка и танцы*)

Козакъ (*поетъ*)

Станемъ нынче веселиться!
Завтра надобно сражаться.

Хорунжiй. Ура! сюда! — сюда съ музыкою! — Начнемъ пѣсню нашу, начнемъ!

Всѣ. Начнемъ!

Козацкая пѣсня.

Одинъ.

Гдѣ дѣвушка живетъ — вина
Наливши въ чисты, пёстры чашки,
Козаки всѣ идутъ туда
Попировать, повеселиться.

Хоръ.

Попировать, повеселиться.

Одинъ.

Гдѣ непріятель лишь стоитъ,
И гдѣ блистаютъ ясны сабли:
Летитъ Козакъ туда скорѣй,
И вмигъ ужь непріятель въ бѣгствѣ.

Хоръ.

И вмигъ ужь непріятель въ бѣгствѣ.

Одинъ.

Ни дождь, ни мракъ, ни вихрь, не могутъ
Въ войнѣ Козакамъ воспятить.
Они и небо поворотятъ —
Мы дѣти храбрости, войны.

Хоръ.

Мы дѣти храбрости, войны.

Одинъ.

Скорѣй на лошадь! — Подступаетъ
Къ намъ непріятель! — Поскорѣй

Сразимъ --- да нѣкогда изъ насъ
Воспомнитъ каждый, что здѣсь
было.

Хоръ.

Воспомнитъ каждый, что здѣсь
было.

Одинъ.

При Кинбурнѣ и при Кагулѣ
Мы дали знать себя врагамъ!
Виватъ Россïйскïе Герои!
Чалмамъ Турецкимъ ужасъ, страхъ.

Хоръ.

Чалмамъ Турецкимъ ужасъ, страхъ.

Одинъ.

Спросите въ Измаилѣ, Прагѣ,
И вы узнаете о насъ.
Когда и вы враговъ такъ бьете,
То васъ друзьями назовемъ.

Хоръ.

То васъ друзьями назовемъ.

Одинъ.

Пропала гордость вся Французовъ,
Разнесъ ее повсюду вѣтръ.

Бѣгутъ отъ насъ, какъ будто
зайцы —
Не стало счастье имъ служить.

Хоръ.

Не стало счастье имъ служить.

Одинъ.

При Лекко, при Веронѣ гордость
Французская лежитъ въ земли;
Мы ихъ повсюду побѣждаемъ,
Гдѣ ни завидимъ только ихъ.

Хоръ.

Гдѣ ни завидимъ только ихъ.

Одинъ.

Лети въ отечество, Козакъ!
Бѣгущихъ отъ тебя Французовъ,
Ты сыщешь тамъ мужей безъ рукъ,
Героевъ славныхъ безъ штановъ.

Хоръ.

Героевъ славныхъ безъ штановъ.

XV.

ПЕРЕДЪ АЛЕССАНДРІЕЮ.

Въ Козачьемъ лагерѣ.

Дернизовъ. Фу, дьявольщина! ужь дали же мы маршъ и сраженіе! — Быстро, какъ вихрь напали мы на Магдональда! Онъ лежитъ на землѣ, и мы — ура! опять возвратились.

Стрицъ. Ужь было! Я получилъ двѣ сильныя раны, но — (*стучитъ деньгами*) вотъ пластырь, прекрасной, золотой пластырь.

Штраловъ. Одинъ отнимаетъ у другаго. — Это настоящія Неапольскія деньги.

Стрицъ. А теперь Стрицовскія деньги.

Штраловъ. Вотъ жеребей! посмотримъ, не будутъ ли они Штраловскими деньгами.

Стрицъ. Посмотримъ.

(они разстилаютъ на землѣ епанчу)

Дернизовъ. Откуда взяли вы ее? Божусь Богомъ, что это Кардинальская епанча.

Стрицъ. Она была на одномъ Французѣ, котораго я сострѣлилъ съ лошади.

Дернизовъ. Я вмѣстѣ съ вами; только епанча пропала!

Стрицъ. Пожалуй.

Дернизовъ. Епанчу выиграю я. Надобно думать, что въ ней какая нибудь чрезвычайная

сила, потому что она покрывала плеча Его Преосвященства.

Стрицъ. Однакожь она не защититъ отъ смерти.

(*они бросаютъ жеребей*)

Дернизовъ. Епанча моя! — браво! (*надѣваетъ ее*) Каковъ я?

Стрицъ. Какъ Козакъ.

Всѣ. (*смѣются*)

Козакъ. (*входитъ*) Цитадель здается на капитуляцію. — Завтра пойдемъ противъ непріятеля.

Всѣ. Ура, Суворовъ! завтра пойдемъ противъ непріятеля!

XVI.

ВЪ ЛАГЕРѢ.

Въ палаткѣ Суворова.

Суворовъ. Прекрасная, свѣтлая, тихая ночь! — Все спокойно, но завтра перемѣнится сцена. — Сколь многіе спятъ въ сію ночь послѣднимъ сномъ, чтобы послѣ заснуть на вѣки! —

Офицеръ. (*входитъ*) Адъютантъ Генерала Края!

(*Адъютантъ входитъ*)

Суворовъ. Здравствуй, братъ! Я читаю въ твоихъ глазахъ, что ты принесъ мнѣ радостную вѣсть.

Адъютантъ. Мантуа здалась на капитуляцію. (*подаетъ ему письмо*)

Суворовъ. (*беретъ письмо, распечатываетъ его, и смотритъ на небо*) Отъ Тебя побѣда! (*читаетъ*) Поговоримъ далѣе.

(*Офицеры уходятъ*)

Суворовъ. И такъ — наконецъ, — и притомъ такъ скоро! И Мантуа пала! (*падаетъ на колѣни, молится тихо, встаетъ опять, садится за столъ и пишетъ*)

(*Передъ палаткою слышенъ шумъ, слова:* Мантуа здалась! *перебѣгаютъ изъ устъ въ уста.*)

(*Не подалеку отъ палатки Суворова Австрійцы поютъ.*)

Толпы Французовъ развращенныхъ
Надѣялись, что мы, прервѣвъ

Германску строгу добродѣтель,
Братоубійствомъ страшнымъ ихъ
Сердечно будемъ восхищаться;
О дерзновенные! на васъ
Да снидетъ быстро смерть и гибель
За мнѣнье гнусное сіе!
Иль вы почли насъ за злодѣевъ —
Насъ, умирающихъ за честь?
Нѣтъ, нѣтъ! никто изъ всѣхъ Германцовъ,
Обрызганъ кровію Царя,
Подобно вамъ, Гюроны Гальски!
Не ступитъ на вѣнецъ Князей,
И не похититъ братней доли.
Злодѣи! съ трепетомъ отъ васъ
Взоръ человѣчества скрываетъ,
Зря Каннибальскіе пиры,
Гдѣ страсть къ убійствамъ жадно гложетъ
Людскіе черепы средь васъ!
Злодѣи! съ лютостью гіенны,
И съ кровопійствомъ тигровъ злыхъ,
Отъ счастья отчества любезна
Вы насъ хотѣли удалить?

Клянемся нашими отцами!
Еще имѣемъ мы оружье
И почитаемъ Бога, долгъ!
А васъ отчаянье и враны
Препроводятъ на грозный Судъ.
Востань, кто прямо человѣкъ,
Востань! и съ мужествомъ Германскимъ,
Германской храброю рукой
Рази сіе отродье ада!
Напой лѣса, долины, горы
Потокомъ варварской крови!

(*радостный шумъ дѣлается всеобщимъ*)

Суворовъ. Счастливъ Полководецъ, умѣющій употребить въ пользу согласіе своихъ солдатъ! (*звонитъ*)

(*Секретарь входитъ. — Суворовъ даетъ ему письма, концепты и депеши.*)

Суворовъ. Сей часъ все отправить и распорядить!

Секретарь. По приказанію Вашего Сіятельства! (*оставляетъ палатку*)

Суворовъ. (*ходитъ скорыми шагами взадъ и впередъ*) Слава и безсмертіе суть награда Героя, котораго дѣла увѣнчеваетъ счастіе. Кто упадаетъ, того оставляютъ друзья и панегиристы. (*останавливается съ размышленіемъ*) Дорога пройдена. Счастіе слѣдуетъ за моими знаменами; Минервинъ Эгидъ осѣняетъ главу мою. — Счастіе и мудрость! не оставляйте воина: будьте безпристрастны; будьте къ старости столько жь благосклонны, сколько были къ юности. — (*ходя взадъ и впе-*

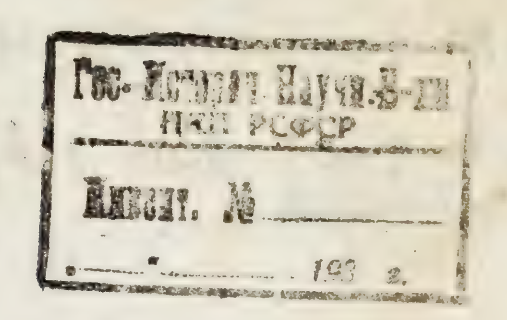
редъ) Италія до конца очищена. Непріятель бѣжитъ отъ моего побѣдоноснаго оружія; Рускія и Австрійскія знамена со славою развѣваются въ воздухѣ; Богъ услышалъ моленіе угнѣтенныхъ слугъ Своихъ; оскорбленное, обезчещенное Французами человѣчество испросило мщеніе у Престола Владыки вселенной. Мститель пришелъ. (*упадаетъ на колѣни*) Боже! благодарю Тебя, что Ты удостоилъ меня быть мстителемъ обиженнаго человѣчества! (*встаетъ*) Часъ пробилъ. (*схватываетъ шпагу*) Здѣсь Суворовъ и его мечь. Ангелъ Господень носится надо мною. — Во Францію! — Лозунгъ будетъ: здѣсь Суворовъ и мечь мщенія Божія.

(*внѣ слышны трубы*)

Они ужь на лошадяхЪ. — ПротивЪ непріятеля! — все рѣшено! — Господь предалЪ мнѣ ихЪ вЪ руки!

КонецЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.


НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.